

РОВЕСНИК

№9 СЕНТЯБРЬ

«Многие из нас потеряли работу, от некоторых отказались родители, мы здорово отстали в учебе» — эти слова принадлежат молодой студентке из Торонто и были процитированы в центральной газете этого города. Эта девушка — одна из тысяч молодых канадцев, принимавших участие в событии, которое, по словам газеты, «всколыхнуло всю страну».

Что же она делала? Участвовала в одной из диких выходок молодежи, которыми так печально прославилась Северная Америка? Забросила книги, чтобы стать молодой преступницей, делами подтверждая лозунг о сегодняшнем «потерянном» поколении?

Нет, нет и нет. Она со своими друзьями — студентами и нестудентами — защищала то, что все они считали правильным и необходимым. Борьба велась с огромным размахом. По словам все той же газеты: «Город Торонто не видел таких демонстраций со времен депрессии тридцатых годов».

Против чего же протестовали молодые канадцы? Подобно молодежи многих других стран, они в марте вышли на улицы, протестуя против жестокого обращения с неграми в Алабаме. Часто эти демонстрации против беззаконий в Алабаме сливались с протестом против агрессии США во Вьетнаме.

Но сначала о том, как развивались события, которые «потрясли всю Канаду».

В марте 250 студентов собрались у американского консульства в Торонто, а 38 из них устроили сидячую демонстрацию протеста внутри самого здания. Они были оттеснены полицией, но продолжали сидячую забастовку на тротуаре перед консульством. К ним присоединилось еще более тысячи юношей и девушек, которые тоже приняли участие в сидячих забастовках. Пикеты из 3 тысяч студентов выражали полную с ними солидарность.

Такие же демонстрации проходили и в городе Монреале. Перед зданием американского консульства состоялась массовая сидячая демонстрация, в которой приняло участие около 3 тысяч человек. Многие несли плакаты и лозунги против развязанной Соединенными Штатами войны во Вьетнаме.

В других городах студенты были не менее активны. В Виннипеге около тысячи человек приняли участие в суточном бодрствовании в здании местной церкви, а 150, преимущественно ученики старших классов средней школы, маршировали в знак протеста перед зданием американского консульства. В Ванкувере две с половиной тысячи студентов собрались на митинг в поддержку борьбы алабамских негров, около 200 человек пикетировали консульство США. Наибольшего накала достигла эта борьба, когда 6 тысяч студентов собрались на митинг в здании парламента в Оттаве. Прибыли представители студенчества изо всех университетов двух соседних провинций — Онтарио и Квебек. И всюду студенты получили признание и поддержку со стороны широких слоев населения, видных политических деятелей, руководителей религиозного движения и, конечно, со стороны своих университетских наставников — профессоров.

Студенты Торонто собрали средства, чтобы послать тысячу своих товарищей на массовый митинг в Оттаву, простые труженики помогали им деньгами, давали одеяла, приносили пищу и горячий кофе. Один из студентов в Торонто сказал: «Мы растормошили все население, и если бы мы не получили поддержки, мы не смогли бы продолжать борьбу».

Показательны примеры глубокой озабоченности молодежи своим общим делом. Юноша, живший во Франции со своими родителями, приехав в Канаду, решил поднять на смех сидячие демонстрации студентов. Но, познакомившись с забастовщиками, он изменил свою точку зрения и сам встал в ряды демонстрантов. Он объясняет это так: «Сейчас здесь примерно та же ситуация, что и во Франции во время алжирской войны; я просто не мог ни минуты больше стоять в стороне».

Другой парень, который перед этим потерял временную работу, рассказал: «Я подошел, чтобы просто посмотреть, и против своей воли почувствовал, что меня к ним тянет. Вы просто не можете оставаться дома и, заявив, что такая демонстрация — прекрасная штука, удобно устроиться в кресле, включив телевизор».

«Меня никогда не убедят в том, что я поступаю неверно; мое участие в этой демонстрации против бесчеловечного ... назвать чем угодно, но не неверным поступком», — заявил молодой семинарист, которого за участие в сидячей забастовке не допустили к занятиям.

Студенты держали постоянную связь с борцами против расового неравенства в Алабаме и оказывали всему движению огромную поддержку.

Если события в Алабаме привлекали всеобщее внимание в марте, то в апреле и в мае в фокусе общественного внимания и общественных действий оказался Вьетнам. В пасхальном марше мира в Торонто приняло участие 600 человек, они вышли в слякоть, снег и холод с требованиями прекратить войну во Вьетнаме.

В Торонтском университете в мае состоялся так называемый «тич-ин». Торонтский студенческий Союз борьбы за мир описывает это событие следующим образом: «Тич-ин — весьма своеобразная форма борьбы; это не совсем протест и не совсем классные занятия. Таким путем студенты могут выразить свое недовольство политикой США во Вьетнаме, показать свою точку зрения и обсудить ее непосредственно с правительством».

Майский «тич-ин» проходил так: вначале около 400 студентов и профессоров вместе с представителями широких слоев населения слушали транслировавшийся из Вашингтона спор между Манджорджем Банди, специальным помощником президента Джонсона, и критиками внешней политики правительства США.

Затем студенты организовали открытую часовую дискуссию по радио и провели большое количество семинаров во внеучебное время. Вывод всех этих встреч и дискуссий был один: США должны прекратить воздушные налеты на Северный Вьетнам и для разрядки конфликта немедленно начать переговоры.

«Тич-ин» дал толчок воображению, и в следующее воскресенье в торонтской церкви состоялся «прич-ин» — массовый митинг с молитвой. Собравшиеся осудили политику США во Вьетнаме.

«Сит-ин» (сидячая демонстрация), «тич-ин», «прич-ин» — все эти формы борьбы родились в студенческом движении Канады и свидетельствуют о росте политической активности молоде-

ЕСЛИ ТРЕБУЕТ ТВ

На первой странице обложки: Даниэль Гэрра, один из 288 первых выпускников Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Он окончил сельскохозяйственный факультет и уезжает к себе на родину, в Боливию. Проводить его пришли студенты медицинского факультета Сокхэй Джаспал из Индии, Шова Сэнзу из Непала и москвич — студент физико-математического факультета Виктор Говор. Фото М. Моргулиса

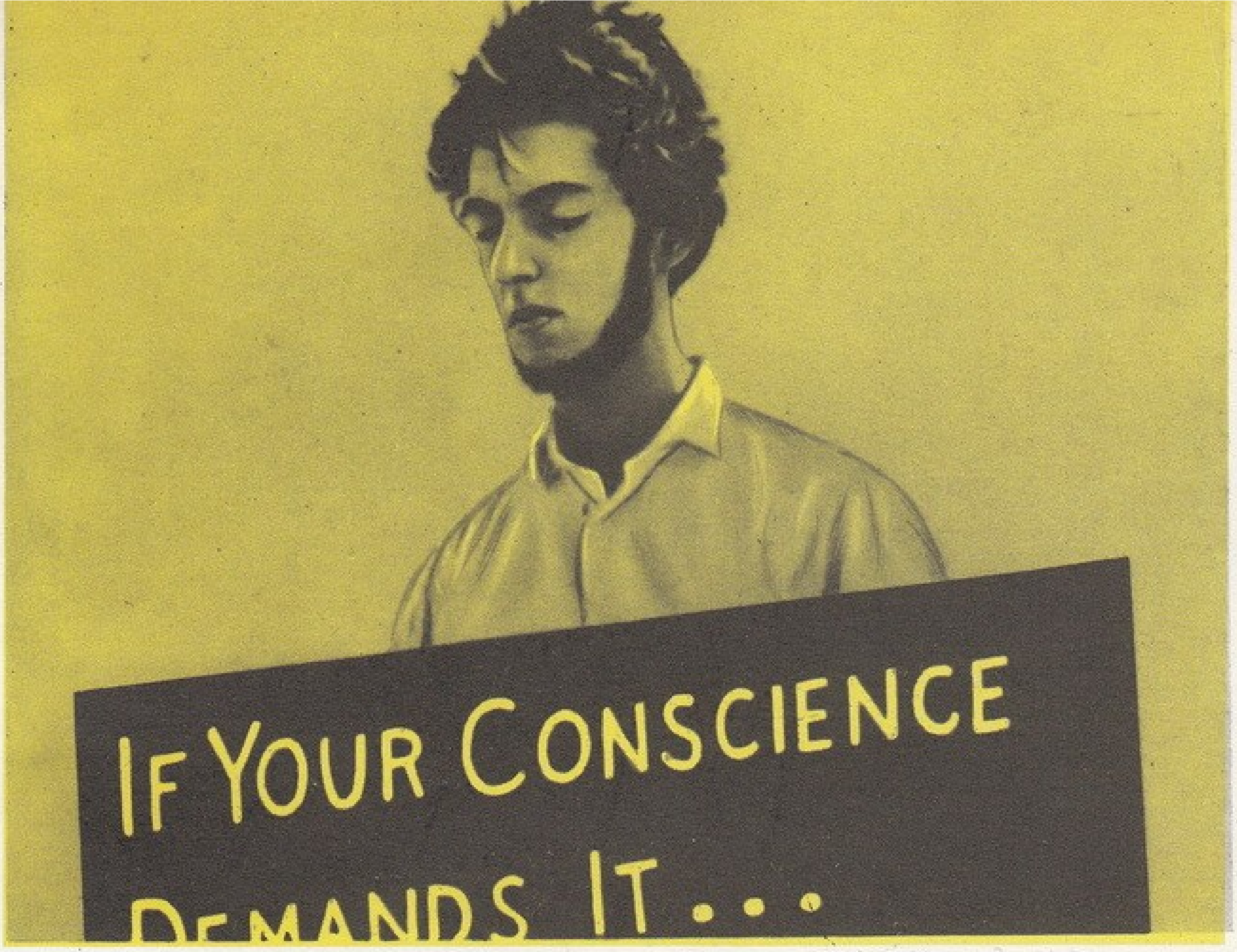
Сентябрь № 9 (39) 1965 г.

Год издания четвертый

Ровесник

общественно политический литературно-художественный журнал ЦК ВЛКСМ и Комитета молодежных организаций СССР

жи. Рэй Мерфи, редактор «Скан», нового прогрессивного популярного молодежного издания, писал недавно, что некоторые участники сидячих демонстраций приходят к философским заключениям, «граничащим с анархией». Они делают особое ударение на игнорирование всяких организаций и политических партий и видят в прямом столкновении единственный путь действенного общественного прогресса. «Сторонники такой точки зрения, — продолжал он, — рассматривают общество под очень критическим углом, отвергают все достоинства капитализма, но плохо представляют себе выход из создавшегося положения. Многие говорят о необходимости полной социальной революции, но такой, которая не будет иметь ни начала, ни конца и которая будет представлять собой постоянное творческое совершенствование». Рэй Мерфи приводит в качестве примера такой разговор участников торонтской демонстрации:

или 40 сегодняшний мир будет перевернут вверх тормашками, и мы, несомненно, приложим к этому руки. Это единственный путь...

Джуди: Наша ненасильственная борьба — это настоящее творчество. Никаких законов, никаких порядков еще не разработано... Но у нас есть особый подход ко всему, и мы думаем, что это поможет нам создать что-то настоящее. Ведь у нас свое общество, сидящее пока на тротуарах университетских проспектов.

Перли: Сейчас мы говорим только о путях подхода к проблемам. У нас действительно очень смутное представление о том новом мире, который мы хотим создать, — это видится так: люди живут в мире, все равны, и все идет хорошо».

И затем редактор «Скан» Рэй Мерфи продолжает: «Самое важное в современном движении молодежи — это глубокая заинтересованность молодых в путях развития общества и острый социальный протест».

Так же сплоченно выступают студенты и по вопросам внутренней жизни.

Недавно в Ванкувере студенты университета и учащиеся старших классов средних школ участвовали в массовой демонстрации против предложенного увеличения оплаты студентами проезда в автобусе. Эта борьба закончилась победой молодежи.

Теперь несколько слов о молодых рабочих Канады. В канадских профсоюзах нет отдельных молодежных секций, но молодые рабочие далеко не пассивны. Многие из них играют серьезную роль в больших стачках и забастовках. Большинство принимает участие в демонстрациях, организуемых студентами. Выступления молодых рабочих и студентов поддерживают организации молодых коммунистов, помогая движению завоевывать новых друзей.

На последнем съезде организаций молодых коммунистов в Квебеке, состоявшемся в марте, присутствовало почти столько же дружественно настроенных обозревателей из других организаций, сколько и делегатов.

Одним словом, все больше молодых канадцев вливаются в ряды демонстрантов; они выбрали дорогу прогресса.

ОЯ СОВЕСТЬ

ВИЛЬЯМ ДИВАЙН,
канадский журналист

ОТЦЫ И СЫНОВЬЯ

ИНТЕРВЬЮ С ЖАН-ПОЛЕМ САРТРОМ

Крупнейший французский писатель и философ Жан-Поль Сартр хорошо известен в нашей стране своими страстными выступлениями в защиту мира, против американской агрессии во Вьетнаме, своей горячей поддержкой многих демократических начинаний молодежи мира. В интервью, которое Сартр дал корреспонденту французского еженедельника «Нувель обсерватер», он разоблачает приемы буржуазной пропаганды, стремящейся увести молодежь от политики. ..

Вопрос: В последнее время в печати все чаще высказывается мнение, будто бы Франция перестает интересоваться политикой. Ее молодежь якобы отворачивается не только от партий и идеологий, но и от любых серьезных проблем вообще. У таких молодых людей, мол, только один бог — техника, и они мечтают лишь о своем благополучии. Что Вы думаете по этому поводу?

— Прежде всего, надо иметь в виду, о ком идет речь. Когда мы говорим о молодежи, всегда необходимо дифференцировать. Если даже и есть какая-то деполитизация, не надо упускать из виду, о каком историческом периоде идет речь. В течение пятнадцати лет, прошедших после освобождения от гитлеризма, политическое напряжение во Франции практически никогда не ослабевало. Был период борьбы против последствий четырехлетней оккупации и коллаборационизма, затем две долгие колониальные войны: в Индокитае и Алжире. Эта обстановка открытого конфликта способствовала росту политического сознания. Но в течение двух последних лет у нас не было больших национальных кризисов, ставящих на карту будущее страны, — и только в таком смысле можно говорить о снижении интереса к политике у молодежи.

Однако даже это утверждение окажется неверным, если мы сравним теперешнюю обстановку с обстановкой в довоенный период.

Большинство молодых людей, с которыми я встречаюсь сегодня, даже если они не принадлежат ни к каким партиям, все равно несравненно глубже осознают политическую обстановку, чем молодые люди моего поколения. Политика для них и для нас далеко не одно и то же. Раньше была, например, такая молодежь, как Симона Бовуар и я, которая интересовалась политикой очень поверхностно и мало что в ней понимала; но были и члены партий, коммунисты и социалисты, «патриотическая молодежь» и «королевские молодчики». Многие входили в различные политические организации, много спорили, но никто, кроме коммунистов, не имел ясного представления о сущности политических проблем. То, что тогда называлось политическими целями, чаще всего означало цели моральные.

За последние годы огромные изменения произошли в прессе. Даже самые незначительные еженедельники больше освещают серьезные проблемы, чем до войны. То же самое происходит и в области политики. Сегодня люди более информированы, чем раньше.

Вопрос: Они стали больше понимать, но и чаще проявлять нерешительность. Не есть ли это одна из форм деполитизации?

— У молодых людей, которых я встречаю сегодня, может быть, головы менее горячие, чем у молодых людей тридцатых годов, но меня поражает то, что в политическом развитии они находятся на том же уровне, что и я. Их пункт отправления является моим пунктом прибытия. Они идут ко мне не для того, чтобы спросить совета, а для того, чтобы поспорить со мной на равных правах. Они хорошо разбираются в вопросах экономики или развития слаборазвитых стран. И в их распоряжении целая жизнь, которую они могут строить на той основе, к которой я пришел только к концу жизни.

Нельзя постоянно стремиться быть в курсе событий и оставаться пассивным наблюдателем. Для того чтобы читать все, что касается, например, Бурунди или Малайзии, надо иметь определенный интерес к этому. Уверяю вас, что в свои двадцать лет я никогда не занимался ни одной из стран Азии. Мне бы даже в голову не пришло, что это может нас всех касаться. А теперь молодых людей, которые интересуются этими вопросами, уже немало. Во всяком случае, их несравненно больше, чем раньше. Для студентов Франции, например, ЮНЕФ является очагом политизации, она объединяет около 100 тысяч молодых людей, которые знают, что сегодня в мире все события связаны друг с другом и то, что происходит в другом конце мира, может иметь решающее значение для их собственной жизни.

Правда, для моего поколения есть частичное оправдание: раньше взаимосвязь исторических событий проявлялась не так отчетливо. Сегодня мы знаем, что очаги пожара могут возникнуть где угодно и каждый из них, будь то Кипр, Куба или Конго, может привести к мировому конфликту. Таким образом, укрепление объективных связей на планете, которое произошло после второй мировой войны, повысило политическое сознание каждого из нас.

Вопрос: Но это осознание масштаба событий на планете может породить чувство беспомощности. Некоторые считают, что от них уже ничего не зависит.

— Да, это хитрая ловушка, и газеты делают все возможное, чтобы мы в нее попали. Нас стараются раздавить весом мировых событий, которые происходят далеко от нас. Молодым людям стараются навязать вывод: «Хорошо, мир разделен на два лагеря, а третий только пробуждается. Но что касается нас лично, мы не можем выбрать Джонсона или Голдуотера. Где наше место? Мы можем лишь смотреть издали». И с того момента, когда начинают убеждать людей, что они ничего не могут, человек перестает верить в свои силы. Я знаю подобных людей. Они ничего не делают, только читают газеты и слушают радио. Они говорят себе: «По крайней мере я узнаю, почему умру под атомной бомбой».

В нашем обществе мы с самого рождения тесно связаны с политикой, независимо от того, «делаем» мы ее или нет; индивидуальная или семейная жизнь немыслима вне совокупности социальных условий, которые ее окружают. Поэтому каждый человек может и должен принять участие в ходе событий и попытаться его направить. Сейчас стремятся разуверить молодежь в том, что она может действовать в мировом масштабе, и в то же время не говорят, как она могла бы действовать хотя бы в своей стране.

Это не случайно. Те, кто говорит о молодежи, что она аполитична, выдают лишь, что они этого хотят, хотят, чтобы она перестала интересоваться политикой.

Обычно для этих целей применяются два способа обмана. Первый осуществляется через пропаганду: молодежь неустанно изображают разочарованной, циничной, политически бесполезной силой. Молодому человеку в конце концов кажется, что в этом нарисованном «зеркале» он узнает себя. «Если все такие, — думает он, — то и я такой». Этот пропагандистский ход хорошо продуман.

Второй способ состоит в обмане, опирающемся на экономические рычаги. С молодежью стремятся сделать то же, что уже случилось со многими женщинами в США. Американцы заметили, что домашняя хозяйка больше покупает, чем женщина, работающая на производстве. И вот мы являемся свидетелями бурной кампании, проводимой прессой, за возвращение женщины к домашнему очагу. Домохозяйку убеждают в том, что она «центр семьи», чтобы привить ей вкус без конца покупать те же вещи, что и ее соседка. Во Франции, используя очень популярных эстрадных певцов, кое-кто тоже стремится превратить молодежь в класс потребителей. Рассчитывая на то, что подростки теперь получают от родителей больше карманных денег, чем раньше, специально для них издают журналы «Салю ле копэн», «Шушу», тысячи названий пластинок, пытаясь заставить их поверить, что все это делается только для их блага. В действительности же все, что создается для потребления молодежи, тщательно контролируется правительством и родителями. Например, песни. «Мы будем танцевать до полуночи...» или другая: «Подожди, пока я не стану взрослой...» Почему до полуночи? Почему не до четырех часов утра? Это решили не подростки; это родительский запрет вмешивается в интимные отношения. А кто решил, что девушке еще мало лет? Опять не кто иной, как ее мать, которая запрещает ей встречаться с парнем. Все эти песни исполняют сами подростки, «тинэйджеры», но содержание навязано им. В одно прекрасное утро молодежь замечает, что ее «идолы» изменяют ей в пользу родителей. Но обычно иллюзию все же удается поддерживать, разрешая молодежи иногда разломать несколько кресел и поорать в концертных залах. У молодых людей создается впечатление, что они совершают революцию.

Сейчас дело не в том, чтобы сказать молодежи: «Очень плохо быть аполитичным», важно внушить ей: «Вы уже политики, независимо от самих себя. Ваш отход от политической миссии как раз позволяет меньшинству «взрослых» делать против вас политику, которую они хотят и которой вы не хотите. Речь идет не о том, чтобы вам «выйти на арену» — вы уже на ней, что бы вы ни делали, — речь идет о том, чтобы говорить и делать на этой арене то, что вы хотите».

Следовательно, любая аполитичность не есть факт сам по себе; это результат кампании, которую ведут государство, крупная промышленность и торговля, используя аппарат пропаганды. И роль левых сил сегодня состоит в том, чтобы организовать контрнаступление.

Сегодня можно говорить лишь о марксистской идеологии. Другая идеология мне неизвестна: буржуазная идеология блещет своим отсутствием. Само собой разумеется, что отдельные науки, например антропология, как в США, так и в Европе, добились большого успеха в разработке методов исследования и в накоплении фактов. Но что такое идеология? Это синтезированная мысль, возникшая в результате воздействия социальных факторов, которая стремится возвратиться к этим факторам, чтобы объединить их в более или менее четкое единство. Эрнесто Че Гевара сказал мне: «Я не виноват в том, что действительность марксистская». Он хотел сказать, что нельзя обойти марксизм и его объяснение истории как борьбы классов до тех пор, пока не будут разрушены экономические и социальные условия, которые порождают эту борьбу и которые привели к возникновению марксистской идеологии.

Во Франции сейчас есть некоторое улучшение в удовлетворении неотложных потребностей трудящихся, и можно было подумать, что это вызовет аполитичность. Но наоборот, классовая борьба принимает новый размах, приобретает новый характер в условиях, когда начинается борьба за действенный контроль над предприятием со стороны тех, кто на нем работает. Борются не только за увеличение заработной платы, но и за участие рабочих в управлении. Эта борьба может считаться революционной лишь в том случае, если экономические требования будут сочетаться с требованиями, которые буржуазия не сможет выполнить, не уничтожив себя.

Буржуазная власть готова «приспособиться» в некоторой степени, то есть удовлетворить часть требований трудящихся, если это можно сделать, не уменьшая чувствительно прибылей, и если основные структуры капиталистического производства не будут изменены. Взамен буржуазия требует, чтобы профсоюзы органически вошли в состав ее системы. И если трудящиеся отказываются от этого реформистского компромисса, если они хотят, чтобы их требования были выполнены до конца, добиваясь полного контроля над производством, то это значит, что в основе экономической борьбы лежит классовая борьба, и буржуазная власть понимает, что от нее требуют не уступок, а полного отречения.

КАК СМЕЮТСЯ АНДЫ

Глубокий кризис испытывает сейчас Венесуэла. Из 7 миллионов населения 400 тысяч безработных, стоимость жизни все время растет, а реальная зарплата резко снижается. Несмотря на жестокий полицейский террор, на улицы Каракаса выходят с демонстрациями студенты и служащие, бастуют рабочие. В 8 штатах из 20 действуют партизанские отряды вооруженных сил национального освобождения (ФАЛН). За последние три года правительственная армия трижды проводила безуспешные операции против партизан, силы которых растут с каждым днем.

Вертолет словно повис в воздухе. И если бы не четкие прямоугольники плантаций кофе и какао, все время уменьшающиеся, и не новые куски горизонта, выкрадываемые для глаза высотой, иллюзия была бы полной. Но машина упорно ползла ввысь. И только Анды смеялись над людьми, которые захотели быть выше их. Горы не уменьшались, они росли с медленной постоянностью, как будто не торопились показать сразу все свое превосходство над натруженно гудящей машиной. Они, залитые ярким солнцем, не хотели быть грозными, но такими они уж были: грозными и неприступными... И вертолет, потеряв терпение в тщетном единоборстве, резко пошел вниз, туда, к послушным плантациям.

На алюминиевом полу окурки, словно по команде, дружно переместились в хвост, туда же покатилась недопитая бутылка виски, и радист, глупо улыбаясь, забыв снять наушники, пополз за ней на четвереньках. Провода не хватило, и он, увидев в этом шутку товарищей, начал бодаться и дико хохотать. Экипаж был пьян. Так легче было совершать жестокость: к вертолету за ноги был привязан человек.

— А ну, Теодосио, спроси-ка его еще разочек...

Теодосио, встав на колени перед люком, крикнул проплывающим далеко внизу изумрудным кронам леса:

— Так ты скажешь, где партизаны? Считаю до трех и обрезаю веревку: раз, два, три...

Ревел, словно захлебываясь от злобы, двигатель вертолета. Лес молчал.

Ложь не живет долго. Неважно, в чьих устах она родилась: второклассника, налгавшего маме о происхождении кляксы в тетради, или президента Венесуэлы, налгавшего народу о венесуэльских партизанах. Немудрая птица страус, уставшая от преследования, останавливается и прячет голову под крыло. Точно так же поступили некоторые политические руководители Венесуэлы. Они заявили в печати и по радио, что партизан в стране нет. Нет, и все тут. Небо есть, солнце есть, Венесуэла есть, а партизан — нет. На шикарно обставленной пресс-конференции министр национальной обороны генерал Гомес заявил, что партизанские отряды, действовавшие в штате Фалькон, ликвидированы. Господам журналистам было показано военное снаряжение, «захваченное у партизан, а также карты и другие документы»...

Восторженных криков публики не было. В воздухе висело недоверие; в глазах, устремленных на оратора, в лучшем случае проскальзывало участие или просто любопытство. Журналисты, не задаваясь высокими целями профессиональной этики, откровенно начали скучать. Наконец оратор, сделав два последних словесных пируэта, ловко отдал дань вниманию публики и одновременно своему собственному красноречию и предложил сеньорам на месте убедиться в справедливости им сказанного.

В штат Фалькон было доставлено около сорока журналистов. Никогда еще крестьяне не видели такого скопления легковых машин и праздно шатающихся по поселку сеньоров. Они заглядывали во все углы, ожидая там, вероятно, увидеть партизан, потирали руки, поглядывали на небо. Может быть, у них рождался в голове репортаж о мужественных солдатах правительственных войск, которые благодаря стойкости и выучке под началом мудрых генералов победили... Донеслись приглушенные выстрелы. Один, другой, потом целая очередь. Они приближались. Господа журналисты наперегонки кинулись к машинам. Выстрелы были уже совсем рядом. Они множились там, в отрогах Анд, усилива-

лись, и казалось, что Анды грозно смеются над теми, кто хотел победить непобедимых...

Партизаны вошли в поселок спокойно, не спеша, как в собственный дом. Это и были их собственные дома. Может быть, не эти именно, но такие же, очень похожие, низенькие и бесконечно дорогие. Если бы когда-нибудь раньше им сказали, что они будут драться с оружием в руках, проводить ночи у костра, — они бы не поверили. У них другая профессия: возделывать кофе и какао, жить землей, любить и ценить ее, чтобы получать богатые урожаи. Что ж! Они продолжают жить землей, землей всей Венесуэлы. И сражаются за нее, чтобы снять в будущем богатый урожай для всего народа — свободу...

На центральной площади случился митинг. Случился, потому что никто не собирался проводить его. Ненароком получается лучше: без ненужной официальной и сухой деловитости. Крестьяне пришли сказать партизанам «спасибо». Тихое, скупое шершавое «спасибо», взвешенное непосильным трудом, отучившим говорить слова красивые и приятные...

Лобастый, большеголовый человек с автоматом на груди объяснил крестьянам смысл партизанской борьбы. И добавил:

— Нас теперь много. И мы стали другими: организованными и дисциплинированными. Мы выработали с годами новую технику ведения борьбы, и преимущества ее очевидны. Хотя бы потому, что полицейские и солдаты удрали, а мы здесь...

Собравшиеся засмеялись.

— Ну а теперь, кто пойдет с нами?

В середину круга вышло человек десять, среди них совсем юный, сильно хромая.

— Послушай, — лобастый человек подошел ближе к нестройной шеренге людей и, обращаясь к молодому человеку, сказал: — Послушай, тебе будет трудно с нами. Что у тебя с ногой?

— Пустяк... Я должен сражаться.

— Горы — не пляж. Переходы бывают длительные и быстрые. Ты...

— Я должен сражаться.

Он смотрел словно сквозь командира партизанского отряда, как будто знал что-то большое и главное. Он повторял свое упорное «Я должен...», и тон, дышащий бесповоротностью решенного, убедил присутствующих.

— Возьмем его, Пабло!

— Да, конечно. Как тебя зовут?

— Хорхе.

Отчаявшись победить партизан, правительство Венесуэлы решило бросить против патриотов танки и самолеты, пушки и огнеметы. Безрассудство мрачного средневековья, с ужасными пытками и кострами, с фанатической тягой к убийству, бледнеет перед масштабом замыслов нынешних венесуэльских правителей. Прекрасно зная, что родник, который питает партизанское движение, — это крестьяне, каратели обрушили на них всю тяжесть своей военной машины, пытая мирных жителей, устраивая концентрационные лагеря из крестьянских поселков... И результат превзошел все ожидания авторов насилия, превзошел в полном смысле этого слова. Ненависть и безрассудство влили в ряды партизанского движения тысячи бойцов. Теперь патриоты контролируют тринадцать тысяч квадратных километров территории Венесуэлы.

Но это были трудные дни для отряда Пабло. Нужно было не отступать, во что бы то ни стало не отступать, а совершать дерзкие налеты на правительственные войска, ставя в противовес военной мощи мужество, хитрость, неожиданность. Отряд делал гигантские переходы, стремительные и тем более трудные в горах. Хорхе не отставал. Неизвестно, где он находил силы, когда шел, закусив губы и смотря вперед, в какую-то намеченную для себя точку. Во время привала он присаживался последним. И молчал. На расспросы о себе он отвечал неопределенно и кратко, словно боялся растерять по каплям накопившееся на сердце. С расспросами отстали. Его уважали в отряде, но не любили.

Тревога была объявлена настолько неожиданно, что в первые секунды бойцы, привыкшие ко всему, просто не поверили. Вероятно, их заметили с вертолета и по радио передали об их местонахождении войскам. Но для домыслов не было времени, и неуспевший отдохнуть отряд как только мог быстро снялся с привала. Он уходил в горы. Но было поздно. Войска были близко. Выстрелы раздавались совсем рядом, и, самое худшее, сбоку, и, казалось, впереди. Оставалось дать бой — неравный и последний. Правда, наступали сумерки. Это было надеждой. Люди шли, тяжело дыша. Пять минут, десять, двадцать. Выстрелы доносились теперь только сзади и сравнительно далеко. Но это были не просто выстрелы наугад. Они раздавались в одном месте, сконцентрировались. Словно правительственные войска наткнулись там, внизу, на что-то неприступное, не дающее им продвигаться вперед, и они решили устранить это «что-то» ураганным огнем...

Хорхе в отряде не было. Все поняли причину спасения и мрачно слушали перестрелку. Вот она смолкла. Наступила жуткая тишина. И снова настойчивая, взвешенная отчаянием хладнокровно-губительная очередь, вероятно, с короткого расстояния. Потом снова и снова. И опять тишина, только последний звук выстрела, прокатившись по горам, растаял в вышине.

Отряды правительственных войск, пораженные дьявольской настойчивостью, как они полагали, арьергарда партизан, отступили...

Партизаны нашли Хорхе в маленькой лощине, поросшей мелким кустарником. Он лежал, вцепившись в гашетку пулемета, как будто делая последнее, неимоверное усилие надавить на нее еще раз. Его отнесли к костру, единственному костру, разведенному в ту ночь для него, и принялись за перевязку. Хорхе лежал, плотно сжав губы, как во время изнурительных переходов.

— Дьявол, а не человек, — резюмировал партизан, закончив перевязку.

Сели вокруг костра, подкидывая веточки в огонь. Смерть, ну что смерть? Они видели ее много раз. Она рядом каждую минуту... И мужества не нужно добавлять каждому из них. Но Хорхе... Как-то не так все относились к нему...

Молодой веселый партизан, любитель песен, пытаясь отвлечь от тяжелых раздумий, продолжил рассказ, прерванный нападением правительственных отрядов.

— Так вот, иду я в поселок с донесением командира, вижу, вертолет. И что гады придумали. Привязали за ноги человека...

— Это был я, — трудно произнес Хорхе и впервые улыбнулся.

Партизаны молча встали.

В. ТУЗОВ

Рис. Л. Клочкова

ZARZEWIE

ORGAN ZWIĄZKU MŁODZIEŻY WIEJSKIEJ

По нашей просьбе редакция польского молодежного журнала «Зажеве» («Зарево») подготовила этот разворот. Журнал «Зажеве» — орган Союза сельской молодежи Польши. Его читает вся деревенская молодежь.

НА ПРЯМОЙ ДОРОГЕ

Мне двадцать пять лет, из них двадцать я прожил в народной Польше. Во время войны наша деревня Бяловежа, расположенная недалеко от районного города Пултуска, была сожжена дотла. После возвращения мы нашли только одиноко торчащую трубу и подвал, который служил нам жилищем. Сразу же после окончания войны трагически погиб мой отец — подорвался на мине. Так началось мое детство.

Родственники помогли матери восстановить хозяйство. Поставили дом, сарай, хлев и курятник. Я после окончания начальной школы пошел работать и одновременно начал учиться в общеобразовательном лицее для рабочих.

Трудностей было много, но все-таки я закончил лицей. Через некоторое время решил поступить на заочное отделение института.

Какие у меня планы? Огромные, но я не люблю говорить о синице, которой еще нет в руках. Ведь в нашем хозяйстве мы работаем вдвоем с матерью.

Земля у нас хорошая. В прошлом году, который был не очень удачным для сахарной свеклы, я собрал более 400 центнеров с гектара.

Некоторым может показаться, что я уже многого достиг, остается только жить да поживать. Но это не так. Легко доказать, что крестьянский труд остается все еще очень тяжелым, а его результаты зависят от многих условий.

Я хорошо понимаю, что прогресс в деревне зависит прежде всего от нас самих, особенно от молодых. В своей ячейке ССМ мы должны еще лучше работать, способствуя распространению современных методов работы в деревне, решительно выступать против всякой отсталости. Иначе трудно надеяться на значительный рост сельскохозяйственной продукции и, скажу немного высокопарно, на социальные и экономические изменения в деревне.

ЗБИГНЕВ КРАВЧИК

ИНТЕРЕСНО ВСЕМ

Когда год назад в Надеёве организовали ячейку Союза сельской молодежи, никто не предполагал, что именно это событие станет причиной удивительных перемен в деревне. Работу начали с экскурсии в лес, но не на поиски романтических приключений, а для сбора желудей, за которые затем получили первые деньги на общественные нужды.

Потом члены ячейки посадили вдоль дороги много деревьев, построили противопожарный водоем, совместно работали на строительстве дороги, организовали первый в деревне кружок художественной самодеятельности и, наконец, елку для детей. А скоро сельский Народный совет сдал молодежи помещение для клуба-кафе, о котором давно все мечтали.

У ребят было много интересных замыслов. Мы пригласили на встречу в Надеёв секретаря районного комитета партии и председателя районного Народного совета, а потом представи-

Сельская молодежь Польши и редакция журнала «Зажеве» шлют братский привет читателям «Ровесника». Союз сельской молодежи (ССМ) насчитывает 750 тысяч человек. В каждой второй польской деревне действуют ячейки союза. Наши формы работы приспособлены к условиям польской деревни, которая состоит в основном из мелких единоличных хозяйств, постепенно втягиваемых в поток социалистических преобразований в стране. В ячейках ССМ молодежь углубляет свои знания, расширяет политический кругозор, приобретает навыки общественной работы. ССМ организовал более 8 тысяч сельских клубов-кафе, он шефствует над коллективами художественной самодеятельности, сельскими библиотеками, спортивными кружками, клубами. Организация учит молодежь жить по-новому, подготавливает ее к роли будущего хозяина социалистической деревни. Из нашей почты мы выбрали несколько писем о жизни ваших польских ровесников.

ВЕЧЕР НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ

Как раз перед тем днем, когда был назначен вечер старых польских традиций, у нас разгулялась такая метель, что все пришли в отчаяние. Но в воскресенье установилась прекрасная погода.

Сразу после двенадцати часов к зданию сельского Дворца культуры в Жепеннике Сухом начали съезжаться гости. В конюшнях почти не осталось лошадей: каждый считал делом чести принять участие в народном гулянии. Когда длинная лента саней с поющей молодежью двинулась по направлению к Громнику, люди недоумевали: что бы это могло быть? Свадьба? Тем более что многие женщины оделись в народные костюмы, слышны были народные песни, и оркестр всю дорогу играл старинные мелодии. По дороге к нам присоединилась молодежь из Рожновиц на своих лошадях и санях. В зале, который мы торжественно называем театральным, все блестело. Стены были украшены народной керамикой. На столах накрыты льняные скатерти, вышитые нашими бабушками в дни их молодости.

После песен начались танцы. Танцевали оберек, краковяк и другие народные танцы.

Пели все. Ничего удивительного, ведь перед вечером мы собрали и записали только в нашей округе более 300 куплетов. Во время вечера наши мамы и бабушки пели старые песни.

И ничего, что наши бабушки и мамы были в платках «будрысувках», а мы в модных костюмах и платьях, и ничего, что сегодняшний день переплетался со вчерашним, — все веселились от души.

Этот вечер не был случайным мероприятием. Мы ценим и воскрешаем народные традиции. Организуем деревенский музей народного искусства. У нас есть много изделий, созданных народными художниками несколько десятков лет тому назад, которые теперь уже вышли из употребления. Есть старые вышивки, скульптуры, фотографии, печати, ордена, книги. Поэтому и народное катание на санях, которое у нас называется «кулиг», и весь вечер были продолжением нашей работы по возрождению хороших народных традиций.

АДАМ ШЕМАНСКИЙ

На снимках: стр. 6 — Выпускницы сельскохозяйственного техникума в Голотчизне перед тем, как приступить к самостоятельной работе, проходят практику в госхозе.

Сельская библиотека в Мачинковицах.

Стр. 7 — Марыся Кабачиньская после окончания техникума работает в государственном сельском хозяйстве Пястово.

На практике в саду.

телей кинохроники, радио и, наконец, известного боксера Лешека Дрогоша. Встречи были очень интересными, поэтому наши односельчане в свободное время, то есть прежде всего в субботу и воскресенье, шли теперь в клуб, а не в пивную.

Если до этого кое-кто из стариков поглядывал косо на молодежь, у которой, мол, только ветер в голове, то теперь они при каждом случае подчеркивают с гордостью: «Наша ячейка ССМ, как видите, уже неплохо себя показала».

У нас было много и других интересных дел, например, в Международный женский день мы организовали концерт, на который получили приглашение все девушки и женщины нашего села. После поздравлений мы им преподнесли цветы и подарки. Юноши организовали курсы по изучению правил уличного движения, многие также ходят на занятия по сельскому хозяйству.

Девушки устроили в своем кафе детский клуб. Известно, что занятые по хозяйству матери не всегда могут уделять достаточно внимания детям. Янка Зажицкая, один из самых молодых членов нашей ячейки ССМ, взялась руководить этим клубом. Три раза в неделю почти тридцать дошкольников приходят в клуб. У них есть здесь игрушки, они поют, танцуют.

ЯНУШ ОСЕЦКИЙ

PAUL ANKA

Не принц из сказки

В. ВОЙНОВ

Старая сказка о бедняке, ставшем миллионером.

...Ему было шестнадцать, когда он оставил зеленые леса и голубые озера родной Канады, чтобы отправиться в город своих грез. Он стремился туда, где так много небоскребов, где запросто гуляют живые миллионеры. Мальчик твердо решил выбиться в люди. Он был бедным, голодным, бездомным, и в первую ночь в чужом краю его спас добрый привратник из маленькой, грязной нью-йоркской гостиницы, разрешивший ему переночевать в жесткой и очень холодной ванне. Однако наш герой был скромен, трудолюбив и настойчив. Он верил в себя и трудился до седьмого пота, а деньги все до цента откладывал про запас. И что же вы думаете? Он стал одним из них!

Да-да, он стал миллионером. Что это, выдумка? Как сказать. Был такой случай, жил такой мальчик. Но он не был принцем из сказки. И его «путь наверх» так далек от слащавой истории, рассказанной выше...

Итак, лет девять тому назад предприимчивый мальчик Поль Анка добрался из Канады до Нью-Йорка. Не исключено, что он и в самом деле по доброте швейцара переночевал в ванне маленького отеля. Но мальчик был далеко не прост. Он обладал небольшим голоском и огромной, не по возрасту, деловой хваткой. Второе качество было гораздо ценнее. Способностей к холодному расчету у шестнадцатилетнего Анки имелось предостаточно.

В то время «свободный мир» сотрясался от припадочного ритма рок-н-ролла. В героях дня ходил бывший автомеханик Элвис Пресли (ныне основательно забытый), о котором газеты тогда кричали больше, чем о президентах, королевах и кинозвездах. Взбесившиеся девчонки и почтенные дамы наперебой раскупали открытки кумира, губную помаду и прочие безделушки, названные его именем, а денежки широкой рекой лились в карман компании, на корню закупившей созданную ею знаменитость, которая принесла завидное число долларов — одной губной помады расхватали на 45 миллионов!

Деловые люди, тщательно подбиравшие ключики к мальчишеским душам, приняли в объятья сообразительного Поля. Говорят, пробиться на прием к президенту компании грамзаписи было фантастически трудно, но Поль проник к нему в кабинет. Мальчик пришелся точно к месту. Его идеи удивительно совпали с идеями хозяев, его голосок показался достаточным для первой пробы, а самоуверенность просто умилила. Перед дельцами стоял вполне сформировавшийся поставщик ширпотреба для «молодежного рынка». И вот первая запись, первая песенка, первые несколько минут по телевидению, первые доллары...

Музыкальные критики до сих пор удивляются: чем смог «взять» Поль Анка, чем объяснить массовый психоз вокруг его имени? В самом деле, чем? Голосишко не ахти какой, как утверждают знатоки, музыкальность ниже среднего, сочиняемые им песенки малоинтересны, пошловаты и абсолютно неоригинальны — и вообще куда ему до таких «звезд», как Синатра, Армстронг, Элла Фитцджеральд или недавно умерший Нат «Кинг» Коул, что он рядом с ними? И все же...

Подростки сразу признали певца. Они заявили об этом полными кассовыми сборами, диким визгом и воем на концертах, разбитой мебелью. Это был «их» парень! Попав на его концерт, слушая его пластинку, можно убежать на время от мрачных колодцев-дворов, увешанных застиранным до дыр бельем, из клетушек-комнат, где вечно ругаются озлобленные родители, — из того истеричного, издерганного и жестокого мира, где совсем не осталось места «розовому» детству. Анка умеет рассказать их языком, до примитивности простым, о любви и нежности, о страсти и надежде, о том, к чему инстинктивно тянется душа подростка; и пусть все это звучит невообразимо пошло — кто из них об этом догадается? Пусть все это — лишь карикатура на чувства, но ведь не каждый подросток может в этом разобраться. Мальчишка поет для мальчишек...

Сперва приспосабливая «взрослый» репертуар, потом сочиняя свой собственный. И ему отдают свою душу, любовь и вместе с ними свои первые заработанные, или сэкономленные, или добытые иным путем деньги. Трудно объяснить эту любовь, но понять ее можно.

Первые концерты Поля Анки...

Дешевые эффекты, выходы «в публику» с микрофоном в руках, манеры «своего парня», гнусоватый, чуть с хрипотцой голос, усиленный радиотехникой, наконец, последняя верхняя нота, которую Поль берет, откинувшись далеко назад, с лицом, обращенным в потолок. Псевдолиризм и псевдозадушевность: «В этом мире мы одни, только ты да я, пою я для тебя...» Все ждут «Дайяны» — песенки, прославившей Поля. Наконец любимая мелодия:

«Ты стара, а я так молод, — вот что мне с утра твердят. Мне плевать, что там толкуют, ты и я — мы до конца. О, будь со мной, Дайяна!.. Обними меня крепче! О! О! О! О! О! О! Крепче! О! Как можно крепче! О, будь со мной, Дайяна! Со мной, Дайяна! Пой, пой, пой...» — и так до бесконечности. Публика в восторге.

Настало время крупных контрактов с телевидением, аршинных заголовков в газетах: «Поль Анка продал свою тридцатимиллионную пластинку! Одна только «Дайяна» разошлась девятимиллионным тиражом — это рекорд!» Музыкальные критики и люди с неиспорченным вкусом могли удивляться, возмущаться, игнорировать — Поль Анка тем временем делал свое дело.

Его дело — доллары. Как можно больше и как можно быстрее. Баснословные гонорары для маленькой кучки «факиров на час» в Америке дело привычное. Правда, эти в полном смысле слова бешеные деньги тают так же быстро, как и приходят. Положение обязывает, нужно сорить долларами, пускать пыль в глаза нелепой роскошью, тратить их так громко, чтобы газеты сообщили об этом шрифтом, более крупным, чем пишут о твоем конкуренте (иначе прощай слава и вместе с ней гонорары!). И потом вдруг внезапный конец, холодный прием у директора компании, мертвое безразличие коллег и журналистов, проданная за долги вилла в Калифорнии, холодный пустой угол — и нередко в довершение ко всему открытая газовая горелка в дешевых меблированных комнатах. Иногда такие трагедии попадают на страницы газет. Тогда в последний раз — уже в самый последний! — вспоминают про того, кто блистал, удивлял, восхищал в свое время многих...

Но не таков Поль Анка. Поль Анка певец? Нет, он делец. Хладнокровный, неумолимый, расчетливый. Пусть тратят деньги другие, он их собирает. Копит про запас? Нет, вкладывает. Деньги должны давать деньги. Как можно больше и как можно быстрее. Анка скупает акции, движимое и недвижимое имущество. Перекупает целые компании, затем основывает свои собственные. Теперь дела Поля ведет его собственная фирма «Спанк мюзик корпорейшн». Выписанные из Канады папа и дядюшка — служащие компании, на жалованье у хозяина. Папа на побегушках? И так бывает!

В сказке про принца говорилось о его трудолюбии и настойчивости. Что правда, то правда — Поль неутомим. Он «делает» своих песенок больше, чем может исполнить сам. Фирма работает круглосуточно, зря его шофер дежурит по ночам у дверей конторы — Поль «вкалывает» до утра.

Поль ценит время, дел невпроворот. Встречи с поклонницами и прочие пустяки подождут — ведь денег это не прибавит. Поль Анка — скромный малый. Он в темноте убегает с просмотра фильма, в котором сам снимался и который ни разу не видел целиком. Зачем ему сидеть до конца? Его в зале заметили, завтра в газетах об этом напишут, реклама обеспечена, а собственное тщеславие удовлетворять ему некогда.

Если только есть малейшая возможность сделать хороший бизнес, Анка тут как тут. Он ведь моложе, проворнее, ловчее других. Дэррид Занук, крупнейший киномагнат Голливуда, снимает супергигантский фильм «Самый длинный день», обещающий стать мировым событием. Анка добивается того, что его приглашают на съемки в числе других тридцати знаменитых звезд (пусть даже роль будет эпизодической, лишь бы попасть на титры!). Мистеру Зануку нужна музыка к фильму. Композиторы бьются над лейтмотивом музыкального сопровождения. Кто сочинит подходящую мелодию, кто угодит боссу? Анка предлагает свои услуги. Мистер Занук поднимает его на смех. Через два дня Анка приносит готовую пластинку с песенкой. Он лучше других учуял вкусы «патрона» — мистер Занук в восторге. Композиторы разрабатывают тему, Анка подсчитывает барыши.

А Полю все мало. Он вполне откровенен:

— Я хочу стать королем зрелищ. Я завоевал мир подростков, теперь я завоюю мир взрослых. Я хочу, чтобы мои собственные театры ставили мои собственные спектакли, чтобы на экранах шли мои фильмы, чтобы мир слушал мои пластинки. Я хочу... Я хочу... Я хочу...

Правда, иногда бывает больно. В зените славы Поль едет в родной город. Обласканный, знаменитый, богатый. Зал встречает его гробовым молчанием. Оттава отвергла Анку, в Торонто и Монреале его прогнали со сцены глумливым свистом. Подростки, готовые отдать свое сердце понравившемуся артисту, здесь, на родине, в лучшем случае провожают его редкими, позорно жидкими хлопками. Они оказались стойкими на дешевку. Они любят настоящий джаз, музыкантов-виртуозов, талантливых певцов. Но не Поля Анку! Поль обиделся на свою родину.

— Будете просить меня — я больше сюда не приеду.

Он готов забыть родные леса, неповторимый запах хвои, он вычеркнет из памяти город, в котором родился.

Как-то, проезжая с корреспондентом иллюстрированного журнала в своем роскошном лимузине по улицам Нью-Йорка, Поль приказал шоферу на минуту остановиться. Ведь здесь рядом та самая гостиничка, где когда-то приютили бедняка, отель с холодной и очень жесткой ванной... В дверях стоит все тот же плохо одетый швейцар, жалкий привратник маленькой гостиницы. Он-то ни в чем не изменился. Поль подходит к нему и снисходительно треплет его по плечу. Знаменитость в смокинге, улыбка на тридцать четыре зуба: все для контрастного фото. Завтра об этом должны узнать все.

Так нужно: для сказки о бедном мальчике, ставшем миллионером.

ЛИВАН МНОГОЛИКИЙ

Ливан — удивительная страна. В один и тот же день можно купаться в теплом море и кататься на лыжах в горах, гулять в апельсиновых и банановых рощах и наслаждаться красотой ливанских кедров, запорошенных снегом.

Ласковое море. Великолепные пляжи. Прекрасный климат. Изобилие всевозможных фруктов. Десятки замечательных исторических памятников. Современные отели. Несчетное количество ресторанов с любой кухней, баров, кабаре, ночных клубов и прочих увеселительных заведений... Все это влечет в Ливан сотни тысяч туристов из всех стран мира. И не только туристов. Дельцы, политики, банкиры свили себе уютное гнездышко в этой маленькой арабской стране.

Красив Бейрут с птичьего полета. Как драгоценный камень, мерцает во тьме целое море разноцветных огней. Пляшут в темной средиземноморской волне отражения кораблей, бросивших якорь в Бейрутском порту. Мы выходим из душного самолета и с жадностью вдыхаем свежий морской воздух. Накрапывает дождь. В небе и на земле ревут самолеты. Движутся бесконечные вереницы пассажиров...

— Добро пожаловать! — слышу я на отличном русском языке и среди встречающих, несмотря на позднее время, узнаю своего старого знакомого Юсефа Н., который учился в Москве. Он торжественно заявляет, что будет в Ливане моим гидом.

Тут же, на аэродроме, он вступает в свою новую роль: сообщает, что бейрутский аэропорт входит в пятерку крупнейших аэропортов мира.

Улицы Бейрута заполнены потоками бешено мчащихся, дико сигналящих и ослепляющих своими фарами автомобилей. Все спешат. Все торопятся. Малейшая заминка в пути, и начинается состязание автомобильных сирен. Нетерпение потрясающее. Юсеф тоже нещадно сигналит. Затем ко всему этому привыкаешь. Но первые дни кажется, что ты попал в какой-то автомобильный ад. Пешеходов на улицах очень мало. В ливанской столице с населением менее полумиллиона человек около 100 тысяч автомобилей.

Юсеф везет меня по набережной, где строятся красивые современные дома. Архитекторы будто соревнуются в выдумке и изобретательности. Дома просты и очень красивы. Они раскрашены в приятные сочетания цветов: бело-розовый, бело-желтый, бело-зеленый.

— Кто же живет в этих домах? — спрашиваю я.

В этот момент мы останавливаемся у одной из ультрасовременных гостиниц «Карлтон». На ступеньках роскошного подъезда появляется человек в длинной арабской одежде и дорогом бурнусе. Несколько служащих отеля бросаются к стоящему у подъезда новейшей марки американскому автомобилю и услужливо открывают дверцу.

— Вот ответ на ваш вопрос, — говорит Юсеф. — Вы только что видели какого-нибудь аравийского эмира.

Нейтральный Ливан уже снискал себе славу «ближневосточного банкира», надежного хранителя капиталов и других ценностей. Количество иностранных банков в Ливане растет изо дня в день. И не только банков. Страна буквально наводнена иностранными агентствами, конторами, фирмами, компаниями. Все они делают бизнес и пытаются оказывать влияние на жизнь и политику Ливана.

Мы с Юсефом едем знакомиться с бейрутским рынком и арабским базаром — «живыми» и весьма колоритными достопримечательностями города. Арабский базар — это своего рода универмаг со множеством рядов: костюмных, обувных, бельевых, ювелирных... Горы товаров навалены в кучи, развешаны на веревках, уложены в пирамиды.

Про Ливан часто говорят, что «гений торговли поселился на этих берегах». И это не преувеличение. Находясь как бы на стыке Азии, Африки и Европы, Ливан словно мост между Востоком и Западом. В Бейруте скрещиваются морские, воздушные и сухопутные трассы. Днем и ночью непрерывным потоком идут через Бейрут товары на Восток и на Запад. Отсутствие ограничений на экспорт и импорт любых товаров, вплоть до золота и иностранной валюты, свобода создания фирм, удачное географическое положение превратили Бейрут в важнейший торговый и деловой центр Ближнего Востока или, как выражаются местные рекламные проспекты, в «сердце Востока».

Более чем со ста странами ведет торговлю Ливан. Причем ввоз товаров в страну в несколько раз превышает вывоз. Это считается в порядке вещей. Особенно этим пользуются западные страны, которые ввозят сюда огромное количество своих товаров. Ливанское правительство пока не ставит перед собой задачи промышленного развития страны, предпочитая извлекать прибыль путем торгового и финансового посредничества. Капиталы в основном вкладываются в строительство дорог, портов, аэродромов, отелей, электростанций, телекоммуникаций, ирригационных сооружений. Это весьма устраивает западные державы, которые тут как тут со своей технической «помощью» и целыми армиями советников и экспертов. Как мне сказали, сейчас в Ливане находится до 4 тысяч западных специалистов. Все это обходится в копеечку.

Доходы страны распределяются неравномерно. Чтобы убедиться в этом, не надо быть экономистом. Об этом говорят разительные социальные контрасты Ливана. Они во всем.

В Бейруте, например, колоссальное жилищное строительство. Однако более 30 тысяч квартир пустуют. Они доступны только очень богатым людям. Ливанские роскошные гостиницы заполнены лишь на 50 процентов. И в том же Бейруте десятки тысяч человек ютятся в настоящих трущобах, сооружениях из кусков железа, фанеры, бочек, камней. Более 200 тысяч человек живут в домах и домишках без элементарных санитарных условий. По подсчетам западных экономистов, к категории «богачей» в Ливане относится всего 4 процента населения. В то же время половина ливанцев принадлежит к числу бедных и беднейших.

Как-то ночью с Юсефом мы прогуливались по Бейруту. В центре города, сверкающем неоновыми рекламами, роскошными витринами богатых магазинов, дорогих ресторанов, из которых неслись звуки бесконечных твистов, мы стали свидетелями печальной картины. В подъезде одного из домов прямо на каменном холодном полу спал мальчишка лет шести, подложив под голову грязные ручонки. Юсеф рассказал мне, что в стране много беспризорных, бездомных детей.

В Ливане не хватает школ и учителей. Вот почему до 100 тысяч детей школьного возраста не учатся. В то же время на улицах Бейрута можно часто встретить вывески иностранных школ и лицеев. Есть здесь Американский и Французский университеты, распространяющие западное влияние на Ливан и другие арабские страны. В Бейруте находится и Национальный университет, студенты которого часто бастуют, требуя улучшить условия учебы.

— Трудно быть ливанцем в Ливане, — как-то пожаловался мне Юсеф, когда один дождливый вечер мы провели у телевизора, с экрана которого на нас смотрели то дула револьверов, то небритые рожи гангстеров. Каждый день по трем телевизионным каналам прокручивается немалое число американских, французских, английских фильмов, которые, как правило, прерываются несколько раз для рекламирования чего угодно: пепси-колы, виски, мыла, стиральных порошков, гуталина и другой продукции западных стран. Программы ливанского телевидения идут на арабском, английском и французском языках. Каждый фильм имеет титры на двух-трех языках. Радиопрограммы для внутреннего слушателя тоже постоянно идут не только на арабском, но и на французском и английском языках. Недавно американская телевизионная компания АБС попыталась арендовать сроком на 20 лет один из каналов ливанского телевидения. Это было уже слишком. Ливанская печать справедливо расценивала эти попытки как посягательство на суверенитет страны.

О ливанской печати следует сказать особо. Ее отличительная черта — отсутствие официальных и полуофициальных органов печати. В Ливане выходит более 300 периодических и полупериодических изданий на арабском, французском, английском и армянском языках. В маленьком Ливане с населением, не доходящим и до 2 миллионов человек, издается газет и журналов больше, чем во всех арабских странах, вместе взятых. Большинство из них существует на иностранные капиталы и выступает соответственно в интересах тех, кто за ними стоит.

Можно понять слова Юсефа, что «трудно в Ливане ливанцу», когда, например, возьмешь в руки такую газету, как «Бейрут». В ней трудно найти что-либо о самом Ливане, зато политика западных стран и особенно Англии живописуется в самых розовых тонах. Газета заполнена происшествиями и бульварными новостями, антисоветчиной и просто порнографией. Говорят, что Ливан «рай для прессы», но он в то же время и «ад для читателей». Нужно научиться разбираться в разноречивой информации, слухах, домыслах, которыми полны ливанские газеты. Немногочисленная прогрессивная печать находится в очень трудных условиях. Ее выступления в защиту демократии и свободы, призывы к избавлению от иностранного влияния часто вызывают репрессии.

На улицах ливанской столицы можно увидеть православного попа и католических монашек в белых крахмальных чепцах, мусульманского муллу и армянского католикоса. Это самая «христианская» страна на мусульманском Арабском Востоке. Примерно половина арабов, проживающих в Ливане, исповедуют христианство. Поэтому и государственное управление страны построено на религиозной основе. По ливанским законам президент должен быть христианином, премьер-министр — мусульманином. Места в парламенте также распределяются по религиозным признакам.

Деньги, печать, радио, телевидение, религия — все брошено на то, чтобы отвлечь трудящихся Ливана от борьбы за политические, экономические и социальные права. Рабочий класс Ливана слабо организован, так как рассредоточен по множеству мелких предприятий. Крупных же предприятий ливанская компрадорская буржуазия создавать не хочет. Мелкая буржуазия города и деревни — а она составляет треть населения — находится в большой зависимости от своих хозяев, связанных с иностранным капиталом. Но, несмотря на все трудности, политическое сознание народных масс растет, усиливается профсоюзная борьба, повышается интерес к социалистическим странам и особенно Советскому Союзу.

В Ливане есть что посмотреть. В горах вы увидите красивые уникальные деревья — ливанские кедры, охраняемые сейчас государством от окончательного истребления. Древесина ливанского кедра очень прочна. Утверждают, что царь Соломон даже выстроил в Иерусалиме дворец из ливанских кедров. Кедр стал государственным гербом и эмблемой Ливанской Республики, символом мощи и долголетия. Ливан очень древняя земля. Каких только завоевателей не побывало на этой земле: финикийцы, греки, римляне, арабы, крестоносцы... Все они оставили свой след. Рекламные туристские проспекты призывают непременно посетить Баальбек — своеобразный музей под открытым небом, состоящий из трех разрушенных римских храмов: Библос, который считается первым городом на земле, Сайду, где вы можете увидеть древнюю крепость крестоносцев на море, Тир, знаменитый похоронами Александра Македонского.

Много интересного можно увидеть на ливанской земле. Но самое замечательное в этой стране — ее народ, трудолюбивый и талантливый, миролюбивый и мужественный. Это он своим трудом покоряет горы, превращая страну в цветущий сад; это он строит красивые современные дома и создает замечательные песни; это он с оружием в руках в 1958 году отстоял свою свободу, изгнал американских оккупантов со своей земли. Верится, что этот народ добьется своего счастья.

К. МАСЛОВ

В ЭФИРЕ СТУДЕНТЫ

Журнал „Панорама" (Польша)

15 часов 30 минут. В репродукторе прозвучали позывные Студенческого радиоагентства. Диктор Лилиана Бруцкая, студентка Гданьского политехнического института, читает программу: популярная музыка, радиожурнал «День добрый, уважаемые преподаватели», фельетон, «С джазом на «ты».

У радиостанции большая студия, оснащенная современной аппаратурой. Программу готовит общественная редакция, в которой сотрудничают 800 человек.

А началось все с того, что несколько лет назад четыре студента-связиста: Гдзиньский, Хартвих,

Смочиньский и Стенпневский—решили создать радиоузел. Дело было нелегким, но юношам помогли знания и энтузиазм. Целый год кипела работа. И наконец, торжественное собрание, посвященное началу 1962 учебного года, уже транслировалось по радио. Успех был огромный. Молодежь с нетерпением ждала следующих передач. Сотрудники редакции установили связь с радио и телевидением. Старшие коллеги подарили студентам часть оборудования и постоянно помогают советами.

Сейчас передачи Студенческого радиоагентства можно слушать в Политехническом институте, Медицинской академии, Высшем художественном училище в Сопоте, а также в педагогическом институте в Оливе. Записанные на пленку программы рассылаются в городские радиоузлы.

По соседству со Студенческим радиоагентством работает клуб коротковолновиков. Из старого оборудования, подаренного Морской радиослужбой, члены клуба соорудили передатчик. Так студенты вышли в большой эфир. Они установили связь с Бразилией, Уругваем и другими странами.

СКРЫТА... ВОЙН...

Журнал „Фрейе вельт"

Близ западногерманског
рода Хаммельбурга, в м
ке Зоденберг находится
ла, готовящая шпионов
версантов для засылки н
риторию ГДР. Руководит
тиями в этой школе
майор Буссмер. Он учит
питомцев владеть кинжал
пистолетом, а в случае н
димости пускать в ход
Командование бундесвер
вольно четко определил
значение шпионско-дивер
ных групп: незаметно п
кать в ГДР, устанавливат
зи, вести подрывную р
терроризировать населен
товить почву для ато
вторжения. Все это имен
«скрытой войной». Недар
двери школы шпионов и
жена лисья морда с под
«хищники».

ПО СЛЕДАМ МАРКО-ПОЛО

Журнал „Констелляськон" (Франция)

Морис Германн, буфетчик авиакомпании «Эр Франс», летает на линии Париж — Токио. В воздухе он любит предаваться мечтам. Чаще всего он мечтал о морских путешествиях. И вот мечта его осуществилась. Вместе с девятью другими энтузиастами Германн приобрел в Гонконге старую джонку под названием «Чанг-Фен», что по-китайски означает «сильный ветер». За два месяца парусник отремонтировали, а через 14 недель он уже пришвартовался в Каннском порту. Экипаж «Чанг-Фен» повторил путь, пройденный почти 700 лет тому назад венецианцем Марко Поло. Маршрут джонки проходил из Гонконга через Сингапур, Коломбо, Суэц. Как ни странно, но во время всего пути через океан стояла тихая погода. Зато последние 200 миль дались нелегко. Средиземное море встретило смельчаков сильными шквалами.

ПО С...

ЗАРУ...

ГАЗЕТ И...

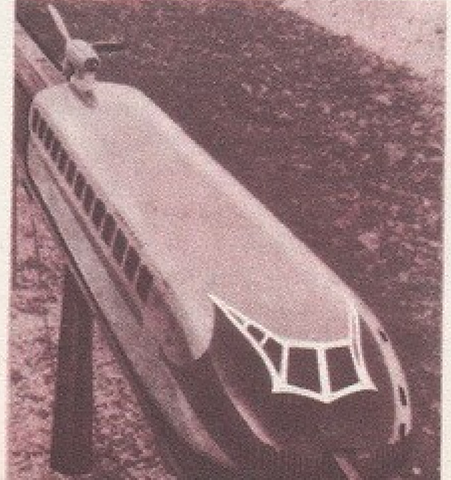
ПО С...

ЗАРУ...

ГАЗЕТ И...

Журнал „Нейес лебен" (ГДР)

Через двадцать лет после разгрома фашистской Германии в ФРГ снова поднимают головы нацистские сорняки. Они находят поддержку в правящих кругах Федеративной республики. Возрождается и фашистская идеология. Так, правительство Баварии официально закрепило за собой на 30 лет право издавать гитлеровскую пачкотню. На прилавках магазинов уже появилась шикарно оформленная книга Гитлера «Майн кампф». Ее печатали в Мексике по специальному заказу из ФРГ. Циничная
маньяка во имя «
господства арийской
поставившего на карт
целого народа и пр
страну к ужасной ка
снова нашла адептов,
раз среди западноге
реваншистов.

КОНЕЦ ЭРЫ КОЛЕСА?

Журнал „Пари-матч" (Франция)

Нет, начало эры «воздушной подушки»! На ней будет передвигаться монорельсовый аэропоезд, проект которого предлагает французский инженер Жан Бертэн. Скорость поезда до 400 километров в час. К концу 1965 года
строен первый опыт
зец. Предполагается,
от такого вида транс
дет в 10 раз меньш
поезда метро. Поезд
«сойти с рельсов»,
крушение полностью
чается.

я
а

ГДР)
о го-
стеч-
шко-
ди-
тер-
аня-
екий
воих
ом и
бхо-
яд.
до-
на-
сион-
они-
свя-
боту,
, го-
ного
ется
м на
бра-
исью

ТОВАР ЛИЦОМ

Журнал „Макколс“ (США)

Кинозвезда Памела Тиффин рекламирует новые туалеты нескольких фирм. Памела не просто выступает в роли манекенщицы. Она попадает в самые необычные ситуации. Вот Памела в розовом вечернем платье лежит связанная на рельсах, и на нее несется поезд. На другой фотографии актриса демонстрирует не менее изящный туалет — на сей раз в окопе под наведенными на нее штыками. Фашистский генерал допрашивает «несчастную жертву», требуя выдать... «секретные данные о новом танке». Далее Памела совершает еще десятки разных приключений и каждый раз в новом наряде. Бедную Памелу в купальном халатике хочет распилить пополам бешено вращающейся электропилой неизвестный злодей. Ее пытается похитить огромная горилла. Под каждой фотографией подробное описание туалета с указанием цены. К сожалению, в конце журнал не указывает, сколько заплатили самой Памеле за все эти кривляния.

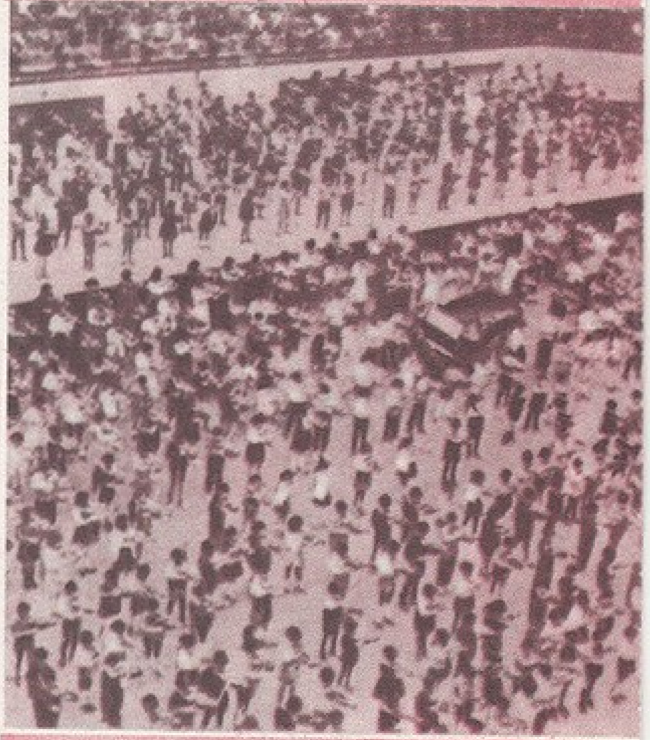
ХОТИМ УЧИТЬСЯ

(Письмо в редакцию итальянского журнала „Темпо“)

Дорогой редактор!

Мы — ученики школы в Муско Проволара. Наша школа расположена на одном из склонов вулкана Этна. Каждое утро учитель приходил в школу, а теперь он больше не приходит, и нам сказали, что школу закроют. Мы хотим учиться дальше, но как нам быть без учителя? Нам сказали, что ты хороший редактор, поэтому постарайся помочь нам.

Подписи

Газета „Асахи“ (Япония)

1500 учеников Института молодых талантов дали в зале гимназии «Метрополитен» концерт. Зрители — в основном родители юных скрипачей — особенно тепло встретили исполнение «Маленькой ночной серенады» Моцарта.

ТРАНИЦАМ
БЕЖНЫХ
ЖУРНАЛОВ
ТРАНИЦАМ
БЕЖНЫХ

В ОБЪЯТИЯХ АНАКОНДЫ

Журнал „Нэйшнл джиографик“ (США)

Американский фоторепортер Курт Северин, блуждая с кинооператором и проводником по джунглям Южной Америки, неожиданно набрел на анаконду. Соблазн быстро заполучить серию душещипательных кадров навел Курта на дерзкую мысль — вступить в единоборство с анакондой. Он бросился вперед, схватил змею одной рукой за голову, другой крепко сжал ей шею. Шершавое и холодное тело окружило его упругими кольцами и сдавливало все сильней и сильней. Если бы не оператор и проводник, неизвестно, чем бы вся эта затея окончилась. Сейчас адрес анаконды — зоопарк Тарпон Спрингс на Флориде.

ЖУРНАЛОВ ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ

исповедь
ирового
нации»,
судьбы
ведшего
астрофе,
на этот
манских

удет по-
ый обра-
что шум
орта бу-
чем от
е может
поэтому
исклю-

„МСТИТЕЛЬ“ ИЗ ГАННОВЕРА

Журнал „Квик“ (ФРГ)

Полиция Ганновера долго ломала голову, не зная, что предпринять. Несколько месяцев подряд в ее адрес сыпались жалобы и доносы от 29-летнего инженера Сигурда Вернера. Сей «мститель за пешеходов» решил объявить беспощадную войну автомобилистам, которые оставляли свои машины в недозволенных местах. Это стало его «хобби». Он настрочил доносы на 1200 владельцев автомашин.

«Машины мешают пешеходам, а полиции не было до этого никакого дела. Вот я и решил действовать в одиночку. В участке мне сказали: «Будет лучше, если вы оставите свою затею». И даже припугнули: «А что, если это окажется машина вашего шефа?»

И все же Вернер победил. Мостовые были отгорожены от проезжей части барьерами. Теперь у здания оперного театра постоянно дежурит постовой.

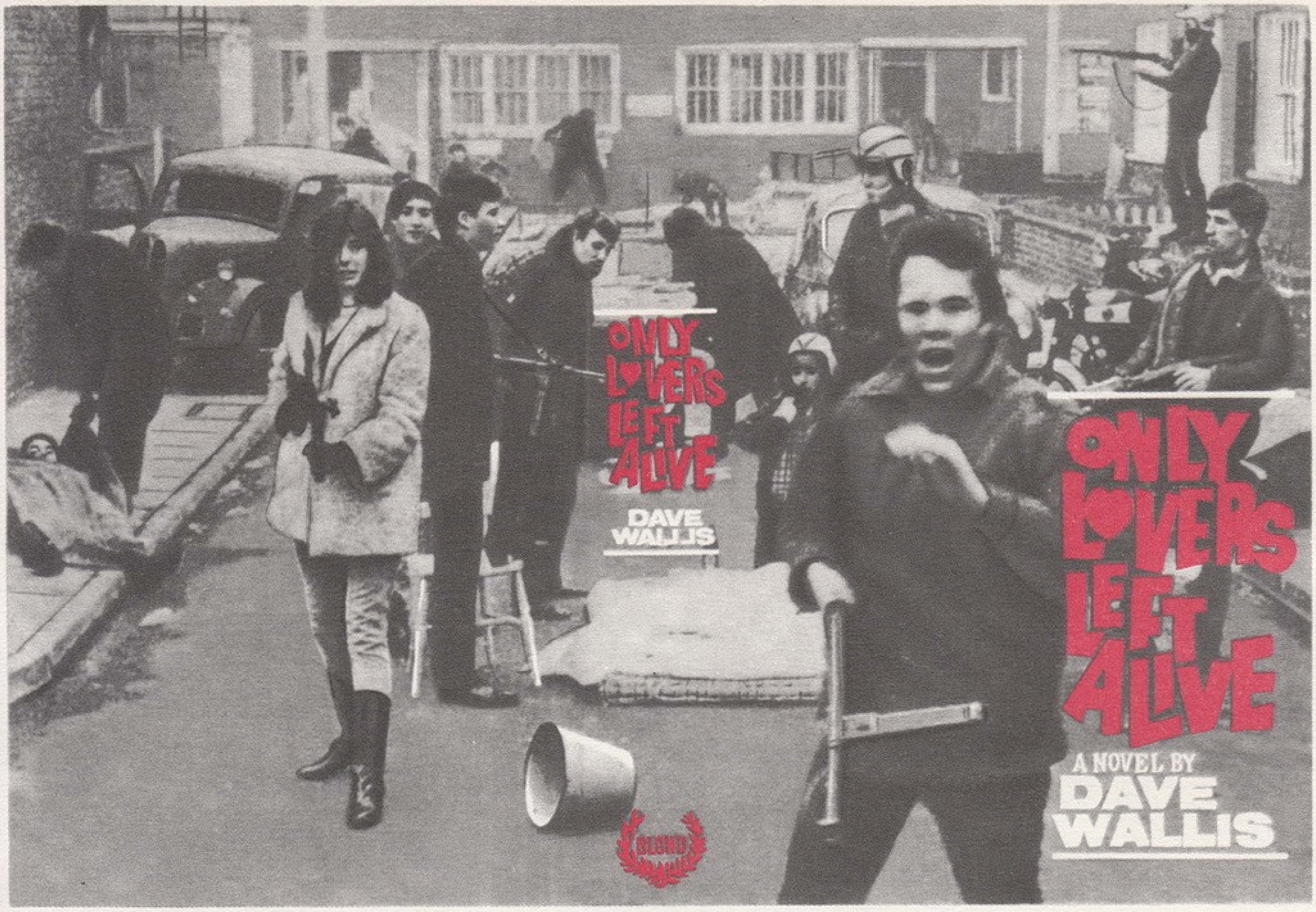
„САМОВЫРАЖЕНИЕ“ В КАПУСТНЫХ ЛИСТЬЯХ

Журнал „Штерн“ (ФРГ)

Сперва пьяная парочка при помощи вил и топора превратила легковой автомобиль в груду лома. Затем девица в бикини залезла на обломки, а партнер принялся мазать ее разваренными макаронами. Потом макароны полетели в зрителей, а те с удовольствием их поедали.

Это зрелище входило в программу «Второго фестиваля свободных самовыражений», который состоялся недавно в Париже. Проводил фестиваль Американский молодежный центр, объединяющий молодых американцев, живущих во французской столице. «Надругательством над машиной и издевательством над макаронами» дело не ограничилось. 2000 зрителей фестиваля увидели завернутых в капустные листья девушек, которые избивали сидевших в зале ракетками для бадминтона; медленную смерть распятой курицы; первое исполнение новой джазовой песни, во время которого обнаженная пара в тусклых лучах прожектора корчилась в нейлоновом мешке.

Восемь дней продолжался этот паноптикум. Его организатор Жан-Жак Лебель считает, что «мероприятие» прошло успешно. Он заявил: «Наше поколение стремится найти новое состояние духа, в основе которого должно лежать полное понимание того, что такое свобода. У нас остались долги в 600 долларов».

ЖИВЫ ЛИ ВЛЮБЛЕННЫЕ?

Ф. МАХОВ

„Представьте себе страну, власть в которой оказалась в руках подростков. С помощью специальных таблеток взрослые перешли в мир иной, не выдержав всеобщей усталости и бесполезности существования. Представьте себе заваленные мусором и объедками улицы, выведенные из строя электростанции, канализационную сеть... Умолкло радио. Погасли экраны телевизоров. Не выходят газеты и журналы. Не работает транспорт. Вся общественная жизнь парализована. Прекратило свою деятельность даже правительство. Получив возможность разрушать, грабить и любить так, как им хочется, банды подростков с ревом носятся на мотоциклах по захламленным улицам. Деньги потеряли свою ценность. Отныне их заменили жареные бобы, губная помада и бензин. Но скоро всему приходит конец, начинается война».

Таково краткое содержание нового романа английского писателя Дэйва Уоллиса «Только влюбленные остаются живыми».

Яркая суперобложка, на которой приведен этот текст и изображена вооруженная банда новых властителей города, сразу настраивает читателя на уголовно-детективное чтиво. В самом деле, трудно себе представить, чтобы все взрослое население Лондона добровольно наложило на себя руки и в живых остались лишь те, кому нет еще и 20 лет. Однако, как говорят писатели-фантасты, «любая фантастика может возникнуть только из реальности». Повальная эпидемия самоубийств среди взрослого населения Лондона — это всего лишь отражение будней «свободного мира». Ведь и в реальной жизни количество самоубийств в столице Англии (так же, как в других крупных городах Запада) с каждым годом неумолимо возрастает. В США, например, даже создана специальная «Лига по спасению жизней». Во главе этой организации стоит сам председатель верховного суда Соединенных Штатов Эрл Уоррен!

Так что Дэйву Уоллису пришлось фантазировать не так уж много, да и роман он начинает с реальных и, прямо скажем, впечатляющих цифр английской статистики: «В среднем ежегодно 5 тысяч психически здоровых англичан кончают жизнь самоубийством». А разве не реальна причина самоубийства одного из героев книги, старого учителя Оливера? «Билл Оливер, — говорит он в присутствии своих учеников за час до смерти, — можешь ли ты вспомнить что-либо из своей жизни, что принесло бы тебе удовлетворение? Нет и никогда! Немного надо, чтобы заставить человека умереть. Ему достаточно убедиться, что вся его жизнь и работа бесцельны и никому не нужны».

В этих словах заложена основа конфликта отцов и детей не только в Англии, но и во всем капиталистическом мире. Рушатся прежние моральные устои, однако на смену им не

приходит ничего, что бы могло быть передано подрастающему поколению. Зачем же тогда жить? Зачем в отчаянии смотреть на духовные конвульсии своих детей? Зачем мучиться, когда, проглотив таблетки фирмы «Легкий путь», можно тихо и незаметно уйти из этого земного ада.

Большое место в романе уделено автором так называемой проблеме «современного вандализма». Под этим термином обычно понимают случаи массовых погромов, насилий и садизма, как правило совершаемых молодыми правонарушителями от скуки, в целях «развлечения» или возбуждения психики. Вот как описывает Уоллис эволюцию этого вандализма среди своих героев: «Вначале юноши и девушки просто пили вино, танцевали и питались чем попало, не заботясь о том, чтобы у них каждый день была горячая пища. Но постепенно даже самые скромные начали развращаться... В домах, где не было уже взрослых, толстым слоем лежала пыль, валялись пустые бутылки, осколки посуды. Под звуки самой модной пластинки «Лейди ду, лавли ю» молодежь праздновала свое освобождение от гегемонии стариков».

Но вскоре обычные развлечения надоели, юношей и девушек начала обуревать жажда разрушения. Они брали вазы, тарелки, графины и с радостным вожделением разбивали их об пол и стены. Девочки срывали с окон занавески. Мальчики испытывали свою силу на мебели, крушили столы и стулья...

«По улицам Лондона, — пишет далее автор, — на которых давно уже не мигали светофоры, с сумасшедшей скоростью проносятся машины и мотоциклы. То здесь, то там вспыхивают драки, переходящие в побоища. Распоясавшиеся юнцы не щадят никого, добивая даже стариков, которые еще не успели покончить с собой. Садизм становится модой...»

Ну и конечно же, нашлись силы в лице некоего Элфа Нейбора, политического деятеля и журналиста, стремящегося задержать эту бурно несущуюся волну безнравственности. Элф Нейбор пытается на страницах единственной уцелевшей газеты рассказать о причинах поголовного мора, организует так называемые «спасательные центры», принимает делегацию Всемирной организации здравоохранения, но все тщетно... Впрочем, читатель так и не узнает ничего ни о причинах «кризиса», ни о деяниях «спасательных центров», ни о той роли, которую должна была сыграть авторитетная организация ООН. Да и сам автор, видимо, не знает, что дальше делать с Элфом-Спасителем, и посему очень скоро заставляет последнего уйти со сцены.

В город приходит чума. Запасы продовольствия на исходе. Улицы завалены трупами подростков. Чтобы не умереть с голоду, юный Эрни, его возлюбленная Кэти и четверо их молодых друзей покидают Лондон. Голодные, изможденные, тащатся они по дорогам Англии. Ничего не умеющие, ни на что не способные...

Но, может быть, они умеют любить? Куда там! Вместо романтики чувств и нормальных человеческих отношений взрослые подсунули своим детям половую всеядность и страх перед жизнью. То, что происходит в фантастическом романе Уоллиса, в современной Англии можно встретить на каждом шагу: Кэти — возлюбленная Эрни. Они неразлучны. Выясняется, что у них скоро будет ребенок. И вот тут рушится последняя иллюзия: оказывается, Кэти давно уже любит Чарли, а Чарли никогда не питал особых чувств к своей возлюбленной Эстелле... Кэти спрашивает: «Скажи, ты любишь Эстеллу?» — «Я не знаю, что это такое — любовь, — отвечает Чарли. — Когда взрослые были еще живы, они постоянно твердили это слово, но, по существу, занимались только тем, что обманывали друг друга. Я не выбирал Эстеллу. Это она выбрала меня».

Шесть опустошенных, отчаявшихся юношей и девушек бредут по дорогам Англии. Они скорее напоминают похоронную процессию, чем настоящих влюбленных. Физически они живы, но духовно давно умерли. Они куда-то еще идут, иногда говорят о своих чувствах друг другу, но у них все уже в прошлом. Так они бредут по дороге в никуда, эти усталые, неприкаянные двадцатилетние «старики».

Книга не оставляет и тени сомнения в том, что поколение Эрни и Кэти тоже не способно что-либо изменить в жизни сегодняшней Англии. Чувствуя это, автор обращает свои взоры к тем, кто должен прийти им на смену. Так, Кэти решает назвать своего сына не Эрни Второй (как хочет этого отец), а Оливером в честь школьного учителя, который хотел очень немногого: сделать из своих учеников честных и

КОММЕНТАРИЙ К ПРОЧИТАННОМУ

порядочных людей. «Какие мы были глупые, — говорит она, — что смеялись над нашим старым и добрым Оливером».

Проходит два года. Однажды вечером за поворотом дороги путникам открывается сверкающая огнями панорама незнакомого города. Измученным ребятам так хочется спуститься вниз, к людям, погреться у очага. Они долго стоят, глядя на мириады огней, и Кэти, высоко подняв вверх своего сына Оливера, говорит: «Я верю, он вырастет совсем другим!»

Дэйв Уоллис не марксист. Он не анализирует причины моральной деградации отцов и детей в Англии. Он просто бьет в набат, призывая всех людей подняться на борьбу с этой страшной социальной инфекцией. Он как бы говорит: посмотрите, что делается в нашей столице! По данным статистики, число преступлений, совершенных молодежью, за последние 15 лет более чем утроилось! Угрожающие размеры приняло пьянство. Лишь за период 1946—1960 годов количество преступлений, совершенных юношами и девушками под влиянием алкоголя или наркотиков, возросло в пять раз. Недаром газета «Ньюс кроникл» писала: «Резкое падение нравов среди нашей молодежи должно вызвать у нас чувство большой тревоги и беспокойства за судьбы будущих поколений».

Вот этой тревогой, этим беспокойством и пронизан весь роман Уоллиса. Хотя книга и не дает ответа на многие поднятые в ней вопросы, но своим необычным сюжетом и актуальностью она приковывает внимание читателей к «социальной проблеме № 1». Не удивительно, что только в 1964 году этот роман переиздавался дважды.

Читая книгу, нельзя не прийти к выводу, что за внешней оболочкой добропорядочности и пуританства во многих буржуазных семьях Англии ежедневно уродуются и калечатся дети. Восемь миллионов телевизоров методически выплевывают на подростков смесь насилия, уголовщины и разврата. Книготорговцы по сниженным ценам предлагают едва научившимся читать детям широкий ассортимент детективного и порнографического чтива. Магазины игрушек подсовывают маленьким клиентам «атомное» детское вооружение, слезоточивые карандаши и маски, в которых «славные» парни-рецидивисты ограбили знаменитый королевский поезд. Весь этот шквал цинизма и насилия обрушивается на подростков с помощью самых разнообразных средств пресловутой западной цивилизации. И хотя в романе Уоллиса об этом почти ничего не сказано, судьба его героев служит прямым обвинением всем растлителям молодежи. Это они — кино, радио, телевидение, комиксы — вся буржуазная культура совершает самое гнусное и самое позорное преступление на земле: крадет у юности юность.

Буржуазная социология не может дать вразумительного ответа на вопрос: почему за последние 10—15 лет значительно возрос процент преступлений, совершаемых молодежью? (Тщетно было бы искать этот ответ и в романе Уоллиса.) Тем не менее отдельные исследователи проблемы преступности молодежи не могут не замечать связи между катастрофическим ростом преступности и безрассудными действиями официальной политики.

Так, либеральный английский социолог Вейланд Юнг пишет: «Если мы хотим снизить национальный уровень проявлений насилия со стороны молодежи, мы должны прекратить международные угрозы насилием». С этим высказыванием нельзя не согласиться. Нет никакого сомнения в том, что пропаганда войны, атомная истерия, гонка вооружений и военные авантюры не могут не влиять на психику молодежи. Нет надобности говорить о том, что в такой грозовой обстановке у молодежи воспитываются культ жестокости и ненависти, апатия, цинизм и неверие в будущее.

Бесспорно, винить в этом нужно не Кэти, Эрни и им подобных, а общество, которое готовит подрастающее поколение к вступлению в самостоятельную жизнь.

„АГА, КОШКА УВИДЕЛА МЫШЬ"

РАССКАЗ
ВИЛЬЯМ
САРОЯН

РИС. ЗАРЯНСКОГО

В своих произведениях известный американский писатель В. Сароян с большой симпатией изображает духовный мир маленьких людей современной Америки. Критики называют его грустным юмористом. Советские читатели уже давно знают Сарояна. Первый его рассказ был переведен еще в 1935 году. У нас вышли два его романа — «Человеческая комедия» и «Приключения Весли Джексона» и целый ряд рассказов.

Однажды, в воскресенье, мама вернулась из Первой армянской пресвитерианской церкви и велела мне и брату Генри прекратить гонять мяч на пустыре у Сан-Бенито-авеню и идти домой. Мы поняли, что-то случилось.

Мама приступила к делу без промедления:

— Я хочу, чтобы вы пошли в армянскую школу.

— Зачем?

— Вы должны научиться писать и читать по-армянски.

— Мы же говорим по-армянски, — сказал Генри. — Разве этого недостаточно?

— Нет.

— Занятия в армянской школе, — сказал я, — будут проходить в церкви Богоматери после американской школы, как раз в те часы, когда надо продавать газеты.

— Один из вас перестанет продавать газеты и пойдет в школу. Другой будет учиться дома, но вы оба должны выучить наш язык.

— Эта церковь вовсе не наша, — сказал Генри. — Мы ведь пресвитерианцы.

— Мы армяне.

— Но сейчас мы живем в Америке.

— Перестань, — сказала мама. — Вместо того чтобы играть в футбол, вы оба должны быть в церкви и слушать проповеди об армянском языке.

— Но ведь проповеди бывают о религии, — сказал Генри.

— Изучение армянского языка тоже святое дело.

Генри и я обсудили между собой, кто из нас пойдет в армянскую школу, и решили, что пойду я.

На следующий день, сразу же после окончания занятий в школе Эмерсона, я направился в красную кирпичную церковь на углу улицы Вентура и «М». Более тридцати мальчишек и три девчонки ожидали в вестибюле.

Через несколько минут отец Каспарян, одетый в черную сутану, быстро прошел к алтарю. За ним следовал профессор Калфаян, который совсем недавно приехал из Парижа.

Каспарян благословил класс и сказал: «Один за другим, начиная слева, назовите, пожалуйста, свои имена».

Один за другим семь мальчиков назвали свои имена, но Каспарян заставлял каждого повторять дважды, так как они произносили или невнятно, или недостаточно громко.

Когда пришла моя очередь, я не хотел, чтобы и меня заставили дважды повторить, и заорал.

— Вильям? — переспросил Каспарян. — А какое у тебя армянское имя?

— У меня нет другого имени.

— Почему же твой отец назвал тебя этим именем? Ведь оно не армянское, а английское или немецкое.

— Его друг, Вильям Стоунхилл, умер незадолго до моего рождения.

— А почему у тебя такой громкий голос и хорошая дикция?

— Я продаю газеты. В школе меня часто просят говорить потише.

— Это не нужно. Господь любит громкий голос. Из какого города твои родители?

— Из Битлиса.

— Там все крикуны. И шутники. Живые, умные, хорошие торговцы и светские люди. Нет ничего удивительного в том, что их сравнивают с евреями, нашими братьями в несчастье, горе и бездомности, и дай им бог обрести родину, так же, как это, наконец, удалось нам. Следующий.

Когда все кончили выкрикивать свои имена, профессор Калфаян сказал:

— А сейчас я сяду за пианино, сыграю и спою песню. Слушайте внимательно и запоминайте слова, а затем вы споете вместе со мной.

Он сыграл короткое вступление к песне и запел громким, чистым голосом. Песня была грустной, с какой-то замысловатой мелодией, о всаднике, который едет вниз с гор. Дирижируя левой рукой, профессор Калфаян снова начал петь, а правой, вместо того чтобы играть, брал аккорды, чтобы нам было легче подпевать ему. Но пели только он, Сурен Микиртичян и я. Остальные ребята лишь вяло бормотали.

— Пойте, пожалуйста, все! — кричал композитор. Но это было бесполезно и привело лишь к тому, что песню нельзя было узнать, она прервалась на середине и замерла. Профессор Калфаян вскочил как ужаленный.

— Песня существует для того, чтобы ее петь, — закричал он, — и я написал ее для вас! Кто вы — живые армяне или умирающие американцы? У вас слишком долго были закрыты рты и ослабли легкие. Откройте рты, наполните легкие воздухом и кричите так, как кричат утопающие.

Сидящий рядом со мной мальчик, сын известного богача Гуркояна, сказал: «Они оба сумасшедшие. Завтра я не приду».

Мы снова попробовали петь, и опять неудачно. Все происходило потому, что ребята не чувствовали себя армянами.

— Сумасшедшие армяне, — сказал мой сосед.

— Почему ты не заткнешься и не начнешь орать песню так, как они хотят?

— Потому что я не торгую газетами.

— Хорошо, потом я тебе скажу, кто ты, а сейчас ори.

В третий раз все пели еще хуже, а мой сосед встал и куда-то исчез.

Затем профессор Калфаян и отец Каспарян роздали книги. Пока они это делали, я увидел своего соседа, сидящего в последнем ряду. В ответ на мой взгляд он скорчил мне рожу.

Книги были открыты на первой странице первого урока. «Ага, кошка увидела мышь». Или: «Ага, кадун тессов моугн».

Кадун — кошка.

Моугн — мышь.

После двух часов пребывания в школе святой отец неожиданно сказал:

— Завтра, в это же время, а сейчас да благословит господь эти юные существа, изучающие божественный армянский язык.

При этих словах я сорвался со стула, чтобы поймать своего соседа, но он уже убежал.

Я поспешил в город и увидел, что Генри стоит на моем месте и из двадцати газет продал всего восемь.

Я взял шесть газет и, направившись в кафе «Арарат», стал выкрикивать заголовки. Одну я продал пьяному, выходящему из бара «Белый фавн».

Я посмотрел на то, что происходит в кафе, прислушался к гулу голосов.

Через несколько минут в «Арарат» вошел какой-то человек. Я заметил, что к нему подбежал официант и назвал его Мелик-ага. Я догадался, что это Мелик Гуркоян — самый богатый армянин в нашем городе, отец того болтливого мальчика из школы. Официант быстро накрыл столик и придвинул стул. Я увидел, как все повернулись и, улыбаясь, закивали головами.

Я прошел в тот конец зала, где официант приготавливал кофе для Мелика Гуркояна: воду — слава богу, что она есть, — наливают в небольшую медную кастрюльку с длинной ручкой. Вслед за водой две полные чайные ложки мелко молотого кофе. А потом священнодействие с сахаром: сколько его положить — чуть-чуть меньше пол-ложки, еще несколько крупинок — семь крупинок; теперь Мелик-ага получит чашечку кофе точно по своему вкусу.

Чашечку особенно тщательно моют, и сушат, и снова сушат, как это делал официант, пока кастрюлька стояла на столе, а не на огне. Вы видите, Мелик-ага: чашечка безукоризненной чистоты уже готова, смесь отлично составлена, теперь остается зажечь одну из двух горелок. Обратите внимание, она горит полным пламенем, заметьте, что кастрюльку не ставят на огонь, а держат ее на весу, так, как вы учили. А теперь... вы видите? — кофе постепенно начинает закипать, вода, кофе и сахар превращаются в прекрасный напиток, покрытый густой коричневой пеной, поднимающейся все выше и выше, и, пожалуйста, Мелик-ага, кастрюльку снимают с огня и наливают. Наливают с чрезвычайной осторожностью в чрезвычайно чистую чашку, чтобы наверху осталась светлая пенка, и вот чашечку несут вам, не так ли, Мелик-ага?

Человек кивком головы подтверждает, что чашечка у него на столе.

Сколько этот богатый человек заплатит официанту за его суетливость, за его особые старания, за его особое уважение, искреннее и серьезное? Сколько он даст официанту за его абсолютную преданность работе и быстроту, с которой он ее делает, за грациозное движение, которым он поставил чашку в точно рассчитанное место на столе, сколько он даст ему за улыбку, за его приниженную и терпеливую позу? Сколько он даст вместо пятицентовой монеты, которую дают все? Будет ли это десять центов, двадцать пять, пятьдесят или доллар?

Человек поднимает чашечку с блюдца к губам, делает громкий глоток, словно он крестьянин из Муша, или Вана, или Битлиса. Наслаждаясь вкусом, он немного откидывает голову назад, отнимает чашечку от губ, оставив немного светло-коричневой пены на чисто выбритой верхней губе, кивает официанту и, наконец, ставит чашечку на блюдце.

Все в порядке. Так сколько же он даст?

Из горсти монет, вынутых из кармана, он выбирает пять одноцентовиков, кладет остальные монеты обратно, берет руку официанта и позволяет пяти монеткам перейти из своей руки на ладонь официанта, всем своим видом давая понять, что это не простые медные центы. Вы можете думать, что одна из этих монет золотая. Человек так считает, официант так считает, все присутствующие так считают, и каждый из них знает, что это не так. Официант улыбается, кланяется и уходит, человек снова поднимает чашку к губам, зная, что за ним наблюдают и что он этого заслуживает.

Официант проходит к тому месту, где стою я. Я, как всегда, предлагаю ему газету. Иногда он берет ее, просматривает и возвращает, но на этот раз он запускает руку в карман, достает то, что ему только что дал тот человек, дает мне пять монеток, как это делают все порядочные люди, без рисовки и не делая вида, что он совершает таинство, берет у меня газету.

Интересно взглянуть на монетки: может быть, одна из них все-таки золотая?

Линкольн, Линкольн, Линкольн, а вот кленовый лист и еще один кленовый лист. Значит, три цента с Линкольном и два канадских. Хотя всякий знает, что канадский цент стоит меньше американского, правда, незначительно. Может быть, вернуть пять монеток и забрать газету обратно? Нет. Я лучше займусь делом, и, может быть, мне удастся продать еще одну газету по дороге к углу, где стоит Генри. Выходя, я прохожу мимо богача. Но он, привыкший к тому, что его замечают все, сам никого не видит.

Но когда я подхожу к двери, я слышу его голос:

— Мальчик. — По-армянски «тха».

Я останавливаюсь и поворачиваюсь, но он продолжает смотреть перед собой. Я жду. Если он хочет со мной поговорить, то должен смотреть на меня. Но он не смотрит.

Не поворачивая головы, он говорит:

— Эй, мальчик! Я не люблю ждать. Если ты хочешь продать газету, принеси ее мне, пока я не передумал.

Он сказал это громко, чтобы все слышали.

Из-за столика встает человек, и я с удивлением узнаю Карапета, младшего брата отца моей матери. Разозлился он, что ли? И если это так, то на кого он злится, на меня или на богача? Но что бы ни было, я это я, даже если это не нравится моей семье, которую я уважаю и люблю, особенно Карапета. Он смотрит на меня в упор, ожидая, что я отвечу.

— Кем бы вы ни были, — говорю, и старый Карапет делает шаг вперед, останавливается и ждет, но я все еще не знаю, на кого он злится: на меня, на богача или еще на кого-нибудь, — я тоже не люблю ждать. Если тот, кто хочет купить у меня газету, не смотрит на меня, — теперь богач поворачивается в изумлении и гневе, — ему не удастся купить газету.

— Ага! — кричит Карапет. — Вы слышали? Вы все слышали. Вы слышали, как сын моей племянницы Такуи ответил этому человеку! — А потом обратился к богачу: — А вы наверняка слышали! Вы получили ответ, который заслужили. Вам не удалось купить за пять центов гордость Сарояна. За все свое богатство вы не сможете купить газету у этого мальчика. — А затем, к моему огромному удивлению, он сказал по-армянски: — Ага, кошка увидела мышь, — и обращаясь к тому: — И эта мышь — вы.

Все еще злясь, он махнул рукой, чтобы я ушел.

На улице я подумал, откуда он узнал, что кошка увидела мышь.

По пути к углу, где стоял Генри, я продал еще газету, и, когда подошел, у него оставалось всего две. Мы сразу же пошли домой, и получилось так, будто он ждал моего прихода, чтобы тут же уйти.

Мы уселись за кухонный стол, и мама налила нам две полные миски солянки. Пока мы ели, она сделала салат.

— Дядя Карапет зашел днем выпить кофе, — сказала она. — Он спрашивал о Генри и о тебе, и я ему сказала, что ты сегодня первый раз пошел в армянскую школу. Он хотел знать, чему ты научился, и я рассказала ему то, что ты мне сказал: «Ага, кошка увидела мышь».

— А что он сказал?

— Он ничего не сказал.

— Завтра я пойду снова. Мне очень нравятся тридцать шесть букв алфавита и звучание каждой из них, но я не уверен, что хочу бросить продавать газеты.

И снова профессор Калфаян сидел за пианино, а мы изо всех сил пели. Святой отец встал из-за стола, где лежала книга, открытая на втором уроке, чтобы тоже петь вместе с нами стоя.

Затем мы учили алфавит до тех пор, пока не запомнили наизусть произношение каждой из тридцати шести букв. После школы я снова отправился домой, и опять мама захотела узнать, чему я научился.

— На этот раз я выучил фразу «Ага, мышь увидела кошку», но мне кажется, что в действительности я научился не этому.

Перевод с английского М. БРУКА и Л. ПЕТРОВА

ОТВЕЧАЕМ НА ВСЕ ВОПРОСЫ

В нашем журнале работает отдел «Отвечаем на все вопросы». Вопросы о жизни молодежи за рубежом принимаем по почте и по телефону Б 1-96-55.

1 Расскажите о студенческих организациях Нигерии.

Т. ШАТИЛОВ
Москва

2 Мне очень нравится итальянский киноактер Марчелло Мастройанни. Хотелось бы узнать о нем побольше.

В. СЯШИН
г. Вологда

3 Были ли в последнее время какие-нибудь археологические находки, которые могли бы полнее ответить на вопрос о происхождении человека!

Д. СЕРГЕЕВА
г. Уфа

4 Какие направления сейчас есть в эстрадной музыке на Западе, что такое «поп-музыка»!

В. КИТАЙГОРОДЦЕВА
г. Фергана

5 Поместите, пожалуйста, материал о Вере Чеславска, о том, как она стала такой замечательной спортсменкой.

Г. ПРИМАКОВА
г. Воронеж

1 Отвечает аспирант Е. ГЛУЩЕНКО

Совсем недавно по приглашению Национального союза студентов я оказался гостем нигерийской молодежи.

До октября 1960 года, когда была провозглашена независимость, Нигерия имела всего один университет — Ибаданский, — который, кстати, считался колледжем одного из английских университетов. Молодой стране были очень нужны свои национальные кадры специалистов. И в течение двух-трех лет появились еще четыре университета в городах Лагос, Ифе, Зария и Нсукка. В них обучается около 6 тысяч студентов.

Национальный союз студентов был основан в 1956 году, сейчас в него входят союзы всех университетов и нескольких специальных школ и колледжей. В уставе записано, что союз должен способствовать развитию активности студентов высших учебных заведений Нигерии и Африки в целом, поддерживать сотрудничество со студентами других стран, стремиться к созданию Панафриканской конференции студентов.

Учащаяся молодежь отнюдь не аполитична, как это пытаются представить некоторые европейские профессора, работающие в Нигерии. Ее волнует состояние промышленности и сельского

хозяйства страны, многие считают, что национальной экономике нужна социалистическая политика.

В университете Ифе, в общежитии которого я жил, я мог наблюдать и участвовать в долгих и жарких политических дискуссиях, возникавших всегда стихийно. Большинство студентов сочувствует Национальному совету нигерийских граждан и Группе действия. Эти партии выступают за социализацию экономики, за демократизацию политической жизни. Один из ребят говорил мне:

— Мы сидим на своего рода академической диете. Знания поступают к нам только из западного источника — от английских и американских преподавателей, из книг, изданных на Западе. Мы должны читать книги, написанные в СССР и других странах социализма.

Разговоры о нашей стране заходили у нас довольно часто. Нигерийские студенты стараются создать для себя образ далекой страны, понять закономерности ее развития.

Национальный союз студентов Нигерии недавно стал членом Международного союза студентов.

2 Отвечает кинокритик Ю. ШЕР

Пять лет назад, в мае 1960 года, когда Международный кинофестиваль в Каннах подходил к концу и, кажется, не сулил больше никаких неожиданностей, зрителей пригласили на просмотр только что завершенного фильма итальянского режиссера Федерико Феллини «Сладкая жизнь». Центральную роль в нем играл Марчелло Мастройанни.

Образ журналиста из «Сладкой жизни» сыграл решающую роль в жизни актера. Марчелло Мастройанни стал едва ли не самым популярным киноактером капиталистического мира. Созданный им новый тип героя провозглашен на Западе самым характерным для шестидесятых годов. Этот герой — человек безвольный, всегда усталый, выжатый до предела напряженным темпом жизни, сломленный непосильными для него заботами. Такой герой вызывает у женщин (а их больше половины зрителей кинотеатров) не поклонение, а прилив материнских чувств, желание обогреть усталого,

охранить его от множества бед.

Впрочем, то же думает о своих персонажах и сам Мастройанни: «Когда я играю героя апатичного, усталого, безвольного, невротика, то такой герой привлекателен для современных женщин, так как он-то и есть прообраз современного мужчины».

Марчелло Мастройанни родился в 1924 году в Фонтана Лири, горном селении, недалеко от Рима. Отец был плотником, и Марчелло «дебютировал» в качестве отцовского ученика. Когда подрос, окончил профтехническую школу и стал десятником. В годы войны работал геодезистом. Немецкие фашисты упрятали Мастройанни в лагерь, откуда будущий актер совершил побег. Прошел много сотен километров пешком, держа путь в Венецию с матрацем на спине, играя роль крестьянина, спасающегося от войны.

Первая должность в кино оказалась не слишком завидной — билетер в одном из кинотеатров Рима, а позже — счетовод в отделении английской кинофирмы. Первая встреча с искусством произошла у Мастройанни в самодеятельном театральном коллективе университета в Риме. Здесь он и познакомился с Феллини и Висконти, ныне двумя выдающимися режиссерами итальянского кино. Его первая роль в кино — в фильме «Отверженные», созданном итальянскими кинематографистами в 1947 году. Его первая роль в театре — в спектакле «Анжелика» в 1948 году. В этом спектакле он играл вместе с Джульеттой Мазина, позднее в течение целого сезона играл ряд персонажей в чеховских пьесах. Журналист в «Сладкой жизни» был его пятьдесят первой ролью. Теперь их стало больше шестидесяти.

Наши зрители знают Марчелло Мастройанни и по старым его картинам («Один гектар неба», «Дни любви»), знакомы и с образами, созданными им в последние два года («Развод по-итальянски», «Брак по-итальянски»).

Этот интересный, безусловно, талантливый актер чрезвычайно трудоспособен. Редкий год не завершается для него тремя-четырьмя новыми фильмами. Деятельный и не знающий устали, он полон интереса к фильмам, в которых снимается и будет сниматься, к людям, с которыми сталкивает его жизнь.

3 Отвечает сотрудница чехословацкого журнала „СВЕТ В ОБРАЗЕХ“ ОЛЬГА ПРХАЛОВА

На черном сукне в народном музее Дар-эс-Салама лежал череп, очень похожий на череп современного человека. Но сразу же бросались в глаза и его существенные отличия. Прежде всего почти отсутствовал лоб, объем мозга очень небольшой, глазные впадины очень высоко. Коренные зубы были большими, широкими и свидетельствовали о том, что они расправлялись в основном с растительной пищей. Собственно говоря, по этим зубам специалисты и установили возраст хозяина черепа. У него уже появились зубы мудрости, но по сравнению с другими зубами они «находились в употреблении» довольно непродолжительное время.

Олдувайская долина в Танзании — идеальное место для археологов. Полтора миллиона лет назад там, на берегу исчезнувшего позднее озера, кипела жизнь. Именно здесь археолог Мэри Лики увидела полузасыпанные землей человеческие зубы и сразу определила, что они принадлежали доисторическому человеку, остатки которого они искали с мужем столь долгое время. Так был найден череп, который известен в научной литературе под именем «зинджантроп», что означает «восточноафриканский человек». «Зиндж» — это старое арабское название Восточной Африки.

Необыкновенный интерес ученых к зинджантропу можно легко понять. Его возраст — 1 миллион 750 тысяч лет, точно установленный работами двух не зависящих друг от друга групп ученых, ошеломляет. Известная находка на острове Ява насчитывает 700 тысяч лет, пекинский человек несколько моложе, а гейдельбергскому человеку «всего-навсего» полмиллиона лет.

Уже необыкновенная древность зинджантропа позволяет предположить, что где-то здесь, в Восточной Африке, не только впервые появился сам человек, но и до него жили существа, от которых этот человек происходит.

Обо всем этом нельзя, конечно, судить, основываясь только на факте находки зинджантропа. Но в Олдувайской долине было сделано еще несколько не менее важных открытий.

Были найдены останки двенадцатилетнего мальчика и взрослой женщины, которые жили в то же время, что и зинджантроп, но принадлежали к типу людей, несколько отличному от него. Супруги Лики нашли и еще несколько представителей именно этого типа. У них тоже очень небольшой объем мозга, но в остальном они почти не отличаются от современных людей. Рука, а самое главное, пальцы руки у них уже были приспособлены для выполнения довольно тонкой работы. «В данном случае, — говорит доктор Лики, — мы имеем дело с непосредственными предшественниками современного человека. Они жили в одно время с зинджантропом, что опровергает теорию о том, что отдельные эволюционные группы человека, предшествующие современному человеку, жили в разное время. По крайней мере две-три эволюционные группы человека жили в Олдувае в одно и то же время».

4 Отвечает студент Московского государственного педагогического института иностранных языков имени Мориса Тореза В. ЗВЯГИН

В последнее время в эстрадной музыке на Западе появилось очень много различных течений, направлений.

Во-первых, это музыка народная — одна из наиболее любимых и популярных. Многие композиторы и исполнители в этом жанре широко известны во всем мире. Это Вуди Гатри, Лидбелли, Пит Сигер, Джоан Баез, Боб Дайлен, Иан и Сильвия, Джерри Сильвермэн, Гарри Белафонте, Одетта и многие другие. Народные певцы Америки — непременные участники демонстраций в поддержку борьбы американских негров за гражданские права. Появилось большое количество певцов-композиторов, которые сами сочиняют песни на злобу дня и исполняют их на студенческих собраниях, во время маршей протеста, на национальных фестивалях народной песни. Наиболее известные: Фил Окс, Каролин Хестер, Док Ватсон.

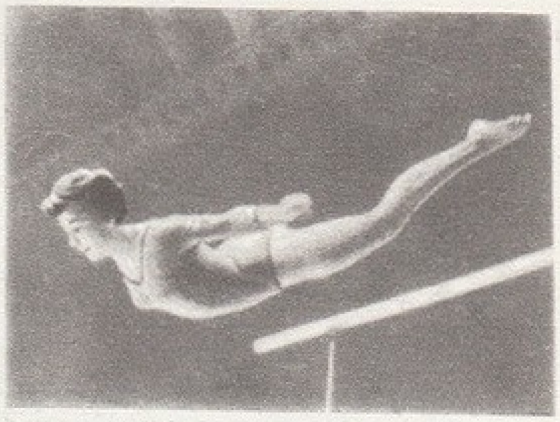
К этому направлению непосредственно примыкает так называемое «популярное народное пение». «Поп-народники» аранжируют мелодии народных песен для больших по составу вокальных и инструментальных ансамблей, подделывают народную музыку, меняя ее характер, выступая в роли «популяризаторов». За последнее время наиболее известными исполнителями в этой области стали «Кингстон трио», трио «Питер, Поль и Мари», которых вы видите на фотографии и другие.

Во-вторых, это серьезный джаз. Конечно, серьезный джаз — явление само по себе слишком сложное, чтобы можно было втиснуть его в узкие рамки абсолютного определения. В джазе случаются такие отклонения от общих правил, которые бросают в объятия жаркого спора многих его поклонников, равно как и противников. Например, одни весьма уважаемые музыканты будут с восхищением говорить вам о «пластике» заумных вариаций на саксофоне-альте американца Орнетта Колмана. Другие, в равной степени уважаемые, будут утверждать, что его импровизации за пределами ритма и темы не только не джаз, но и вообще не музыка!

Несколько лет назад в Англии появились музыкальные группы из трех-четырех человек, исполнявшие песни под аккомпанемент гитар и ударника. Эти группы вскоре стали чрезвычайно популярны; из них выделилась одна под названием «Жуки» («Битлз»). Все вы о них слышали. Вот как отзывается о них американский музыкальный журнал «Хутенанни»: «Битломания» — это вопли истеричных девчонок; «битломания» — это ее поклонники в шестивосьмичасовой очереди за билетами; это подростки, мечтающие хоть одним глазком взглянуть на своих идолов; это невиданная доселе популярность, которая заставила руководителей музыкальных и классических произведений переключиться на новый объект; это, наконец, новый тип «музыкальной истерии», что дает в год 17 миллионов долларов чистой прибыли».

Группы, которые строили свое выступление по образу «Битлзов» и которые приняли их стиль, стали называть «поп-группами», их музыку — «поп-музыкой», а их выступление — «поп-сэшшион».

5 Отвечает заслуженный мастер спорта Ю. САБИРОВ

Было это ранней весной 1957 года. В спортивном зале Центрального комитета Чехословацкого союза физической культуры в Праге сильнейшие гимнасты и гимнастки готовились к соревнованиям. Тренировка закончилась, но в зале остались двое: заслуженный мастер спорта ЧССР Ева Босакова и никому не известная задорная девочка пятнадцати лет. Юная гимнастка старательно выполняла все, что говорила Ева.

Так состоялось знакомство с Верой Чеславской. Москвичи хорошо помнят выступление юной Веры на первенстве мира в Москве в 1958 году. Она выступала молодо, задорно. Особенно удались ей вольные упражнения. И хотя она не попала в финал по этому виду, московские зрители хором скандировали: «Ве-ру Че-слав-ску». Такого еще никогда не было ни на одних крупных соревнованиях. Полюбилась Вера москвичам. И наверное, никто не предполагал, что через шесть лет она станет сильнейшей гимнасткой мира. Вот что рассказывает о себе сама В. Чеславска:

«До 14 лет я мечтала стать чемпионкой в фигурном катании на льду. Но однажды нас пригласили в студию телевидения для вручения цветов нашим гимнасткам. Там я и познакомилась с Евой Босаковой, которая пригласила меня к себе в секцию. До этого я уже умела делать «мостики», «шпагаты», равновесие, так как мои сестры Хана, прима-балерина Пражского театра, и Ева, преподаватель хореографии в балетной школе, с детства брали меня с собой и я видела, как занимались балерины, и старалась им подражать. Но больше всего я обязана, конечно, Еве Босаковой».

Шесть лет понадобилось Вере, чтобы стать чемпионкой, но не в фигурном катании, а в гимнастике. А сколько тренировок проделано за это время!

На соревнованиях на Кубок континента в Софии Вера Чеславска завоевала все золото Европы. Такой успех был только однажды у Ларисы Латыниной.

Сейчас Вера Чеславска готовится к первенству мира. Высокое звание абсолютной чемпионки Олимпийских игр и Европы обязывает ко многому.

МЛАДШИЙ БРАТ ФУТБОЛА

Что такое регби? Энциклопедический словарь дает на этот вопрос два ответа: «Спортивная игра мячом овальной формы» и «Город в Великобритании в графстве Уоркшир». Оба имеют прямое отношение к нашей теме.

Весной 1823 года колледж городка Регби праздновал восьмую годовщину битвы под Ватерлоо. В программу праздника входил и футбольный матч с соседним колледжем. Игра в футбол была одним из любимых развлечений английских учащихся. Впрочем, с сегодняшним футболом у этой игры не было ничего общего, кроме названия да взятия ворот противника.

Стадиона в нашем понимании тоже не существовало. Играли на облюбованной лужайке, а два деревца заменяли ворота. Конечно, у таких ворот не могло быть перекладины, и мяч влетал в них на произвольной высоте. Играли тогда надутым бычьим пузырем. Естественно, этот снаряд был отнюдь не правильной формы. О числе игроков с каждой стороны договаривались перед началом встречи, причем наиболее употребительной была такая формула: каждая сторона выставляет столько игроков, сколько сумеет набрать.

Продолжительность матча также зависела от усмотрения играющих. Особенно ожесточенные поединки равных противников продолжались иной раз с перерывами, конечно, по нескольку дней подряд.

Все же во всей этой анархической вольнице был один твердый закон: пузырь, то есть мяч, можно было только отбивать ногами или руками. Но вдруг в самый разгар поединка один из спортсменов колледжа схватил мяч в руки и побежал с ним к воротам противника. Ловко увертываясь от преследователей, он сумел занести мяч в ворота.

Безусловно, это было нарушением правил, и тот гол, который регбисты по сей день считают родоначальником игры в овальный мяч, засчитан не был. Однако новшество понравилось, и с тех пор многие любители футбола стали носить мяч в руках. Перед играми теперь пришлось уславливаться еще и о том, играть ли только ногами или «как в Регби».

И вот настал день, когда футбол обрел, наконец, настоящие правила и организацию. 26 октября 1863 года в Лондоне на Грит Квинс-стрит собрались любители игры в мяч и издали первые футбольные законы. Особенно горячие дебаты развернулись вокруг параграфа об игре рукой. Сторонники игры «как в Регби» до последнего момента отстаивали свое правило, а когда большинство решило руками не играть, вообще ушли с совещания. С того дня на свете появилось два футбола: «футбол ассоциации», или то, что мы сегодня называем футболом, и «футбол Регби», или просто регби.

Организационно новая игра оформилась лишь через четверть столетия. Только в 1890 году организуется Международный совет регби, существующий и поныне. В него первоначально вошли организации Англии, Шотландии, Ирландии и Уэльса.

К тому времени игра в регби уже велась по твердым правилам. Были зафиксированы размеры поля и ворот, которые не похожи на футбольные, а напоминают огромную букву «Н». Размеры и вес мяча (он, по-видимому, в память о бычьем пузыре получил овальную форму) также были утверждены раз и навсегда. Количество игроков каждой команды было первоначально установлено в 20 человек. Со временем это число сократилось до 15.

Правда, профессионалы произвели еще один пересмотр правил, доведя состав команды до 13 человек. Однако этот вид регби распространен относительно слабо. Все же в ряде стран разыгрываются отдельные чемпионаты в играх «по 15» и «по 13».

Правила в первую очередь обеспечивали безопасность спортсменов. Поскольку в регби можно носить мяч в руках, следовало разрешить противникам хватать того, кто владеет мячом, и валить его на землю. Законодатели регби позаботились о том, чтобы эту борьбу ввести в строгие рамки. Во всяком случае, количество травм в регби намного меньше, чем, например, в хоккее с шайбой. Игра требует мужества в рукопашных схватках, но правила еще настойчивее предписывают корректную борьбу.

Своеобразно трактуют регбисты правило о «положении вне игры». В эту неприятную ситуацию попадает всякий участник матча, который окажется ближе к воротам противника, чем мяч. Это заставляет направлять все передачи мяча партнерам только

назад, а для продвижения к воротам владеющему мячом нужно самому пробежать вперед сквозь оборонительные заслоны «неприятеля». Таким образом, на поле то и дело возникают увлекательные схватки и попытки удрать от преследователей.

Непривычен, с точки зрения футбольного болельщика, и перерыв между таймами, которые длятся по 40 минут. Игроки не покидают поля, а собираются у лицевых линий, чтобы передохнуть и обсудить дальнейший план действий. Комфорта при этом несравненно меньше, а значит, и требования, предлагаемые игрокам, серьезнее.

Хотя младший брат футбола не создал таких значительных организаций и не проводит такого множества соревнований на высшем уровне, как игра с круглым мячом, у него все же множество горячих поклонников, особенно среди учащихся школ и университетов. На Британских островах школьники с увлечением борются за овальный мяч, а на большие состязания часто приходят целыми классами.

Следом за Великобританией регби проник и в другие страны. Во Франции эта игра занимает одно из первых мест по числу игроков и зрителей. Сейчас в каждой европейской стране появились регбисты. Играют овальным мячом и на стадионах Азии, Африки и Латинской Америки.

Особым путем пошло развитие регби в США. Там его организаторы преследовали прежде всего цель создания завлекательного зрелища, для чего они решили позволить любую грубость. Игра выродилась в потасовку, а по окончании каждого сезона, когда пресса подводит итоги человеческих жертв, число убитых выражается двухзначными, а иногда и трехзначными цифрами.

Г. ГЕРБЕРТ

Поскольку в регби не разыгрывают чемпионаты мира, силы команд отдельных стран можно сопоставлять лишь по результатам эпизодических товарищеских встреч. Особенно трудно при этом учитывать соотношение сил противников с разных континентов. Правда, в век авиации расстояния сократились, но количество международных матчей явно недостаточно.

●

Наиболее древним международным турниром в Европе является проводимый под эгидой Международного совета регби «турнир пяти». Первоначально в нем участвовали четыре британские сборные (Англия, Шотландия, Ирландия и Уэльс). После второй мировой войны к ним подключилась Франция. Сперва британцы поглядывали на противников из-за Ла-Манша свысока, но за последние годы вынуждены были изменить мнение. Закалившиеся в турнирных боях французы превратились в грозных соперников, а когда они начиная с 1959 года выиграли турнир три раза подряд, их стали называть в числе основных фаворитов.

Регбисты Восточной Европы (команды ГДР, Польши, Румынии и Чехословакии) ежегодно разыгрывают Кубок Победы. Здесь безраздельно господствуют румыны. В их стране регби настолько популярен, что входит даже в программу школьных занятий по физкультуре.

●

Уже стали традиционными поединки между победителями Кубка Победы и «турнира пяти». Чаще верх одерживали представители Западной Европы, хотя румынам уже случалось обыгрывать сборную Франции.

●

Последние пять лет в Европе проводится Кубок чемпионов по образцу такого же турнира футболистов.

●

Советские спортсмены начали играть в регби только после Московского фестиваля молодежи и студентов и пока не накопили достаточного опыта международных встреч. Они ограничиваются участием в товарищеских матчах с противниками из-за рубежа.

ПРОФСОЮЗ СЛУЖИТЕЛЕЙ САТАНЫ

Все было как на добропорядочном пикнике членов общества трезвости или любителей-садоводов. Из машин выходили солидные дамы и представительные джентльмены и деловито занимали места на лесной поляне. Когда, по-видимому, уже все были в сборе, появился вертолет, и из него вышла полная особа в черном. Ее встретили одобрительным гулом.

И начался... шабаш. Шабаш ведьм, живущих в середине XX века. Правда, он несколько отличался от средневековых сборищ, которые так любили описывать поэты. Здесь, в лесу графства Гемпшир в Англии, колдуньи не катались на помеле и не плясали, как в балете «Вальпургиева ночь». Они делили сферы влияния: одним — несчастная любовь, другим — денежные затруднения, третьим — неудачные дети. Ведьмы приняли резолюцию, в которой договорились не отбивать друг у друга хлеб и ссорами не подрывать авторитет «черной магии».

Корреспонденты газет, фоторепортеры и операторы телевидения терпеливо дожидались в соседнем лесу, когда «пресс-ведьма» мисс Элеонора Бун освободится для интервью.

На следующий день газеты писали: «Делегация Великобритании была представлена Британским обществом ведьм и колдунов, передовым и превосходно организованным отрядом сатанинского воинства. В его рядах свыше 8 тысяч членов. Главная ведьма Англии мисс Сибила Лик прибыла на шабаш на вертолете. Она заявила, что если врачи призваны лечить тело, то колдуны и колдуньи посвятили себя исцелению недугов душевных».

В отличие от врачей, которые уже не раз в этом году оставляли свои клиники и выходили на демонстрацию, требуя повышения заработной платы, денежные дела Сибилы Лик процветают. Ее популярности могут завидовать кинозвезды средней руки, ее имя и фотографии появляются в прессе, по подсчетам досужих любителей статистики, чаще, чем имя премьер-министра Вильсона.

Ведьмы Англии, как, впрочем, и других стран, организованы в профсоюз, имеют свои печатные издания и даже курсы по изучению колдовства. Ведьмы, прибывшие на шабаш, — это, так сказать, профессионалы. Но есть и колдуньи-любительницы. Днем это добропорядочные матери семейства, но при лунном свете они освобождаются от одежд, а заодно и от надоевших правил приличия, пляшут у огня, напевая какой-то бессмысленный набор слов.

Кто-то из политических деятелей недавно заметил, что самый безнадежный больной в Европе сегодня Англия. Бастуют шахтеры и докеры, квартиросъемщики маршируют по улицам, требуя снижения платы за квартиры, каждый год увеличивается армия безработных молодых людей. Лихорадка тревоги и неуверенности поселилась в каждом британском доме, который уже давно перестал быть крепостью, охраняющей от всех бед и невзгод.

А мисс Лик и ее коллеги умеют успокоить, увести от забот сегодняшнего дня в туманный мир колдовства, духов, привидений.

Рассуждения мисс Лик и ее менее популярных коллег удивительно примитивны и просты. Все происходящее на земле меньше всего зависит от воли человека — все предопределено высшими силами, судьбой, роком. Поэтому путь к успеху лежит в познании того, чего хотят эти таинственные потусторонние силы, а вовсе не в какой-то там борьбе, демонстрациях, личных усилиях. Посредники же между слабым человеком и могучими силами — ведьмы, колдуны, астрологи и прочие маги.

Вам не удалось сколотить капиталец на старость. Виноваты не обстоятельства: дороговизна, большая семья, маленькая зарплата — все это пустяки. Просто свои деловые начинания вы не согласовывали со звездами. А вот мистер Бронкс во всем советовался с «ясновидящей», все сделки совершал только в назначенные его гороскопом дни и за два года стал владельцем нескольких доходных домов. Вы не можете понять источники преуспевания фирмы «Коллинз и К°». А секрет прост — «Коллинз» подписалась на ежегодное астрологическое обозрение и теперь твердо знает, какая покупка сулит барыш, а какая убыток.

Томи уже 20 лет, а его так никуда и не удалось пристроить. Он болтается без дела и связался с какими-то подозрительного вида парнями. Что делать с Томи? «Купить ему гороскоп», — подсказывают всезнающие газеты. И тогда будет ясно, в какие дни его ждет удача, а в какие лучше сидеть дома. И не беда, что каждый год — 8 тысяч Томи оканчивают школу и не знают, куда себя девать. Им просто надо купить 8 тысяч гороскопов, и все будет решено без шума и хлопот.

Если в мрачном средневековье колдуны и прорицатели кровно враждовали с церковью и государством, то в наше просвещенное время все изменилось. Дым костров, на которых сжигали всех родственников нечистой силы 400 лет назад, сменился фимиамом восторгов в прессе. Газеты и журналы в самых развитых и называющих себя цивилизованными странах не жалеют места для гороскопов и описаний

«чудес», сотворенных ведьмами и магами. Настоящий тропический ливень всевозможных сообщений о преуспевании тех, кто доверил свои дела «ясновидящим», ежедневно выливается на читателей из всякого рода изданий — от солидных до самых дешевеньких.

И не удивительно. В наши дни всевозможные прорицатели стали помощниками государства: ведь они дают людям ту иллюзию благополучного будущего, которое бессильны обеспечить правительства. Еще Плеханов когда-то писал: «Люди... ищут пути на небо по той простой причине, что они сбились с дороги на земле». Отлично понимают это и сами представители «сатанинского воинства». Известный парижский астролог мадемуазель Бертэ так объясняет свою популярность: «Мои клиенты приходят потому, что им нужна страховая гарантия на будущее. Религия и государство уже не в состоянии дать им то, что они ищут».

Наверное, именно поэтому Париж сегодня побивает все рекорды по количеству хиромантов, астрологов и прорицателей. В 1964 году в столице Франции практиковало 10 тысяч предсказателей будущего. Иными словами, один «ясновидящий» на 800 парижан, жаждущих узнать свою судьбу. Это в два раза больше, чем врачей, и в пять раз превышает количество священников. Французы ежегодно выплачивают астрологам, гадалкам и прочим магам около 3,6 миллиарда франков, сумму, превышающую бюджетные ассигнования на всю научно-исследовательскую работу.

Предсказание будущего стоит достаточно дорого. Сеанс гадания с чтением по руке и раскладыванием карт стоит 50 долларов, гороскоп — до 100 долларов. Астрология — дело настолько прибыльное, что две трети парижских предсказателей будущего на лето закрывают свои кабинеты и вешают табличку «Он ваканс» — «В отпуске». Представители самых разных профессий охотно переквалифицируются в чародеев. Среди них есть даже полицейский агент, некий Луи Рено, который сейчас стал известным парижским колдуном.

Пока «ясновидящие» загорают на Ривьере, к услугам французов газеты-гороскопы. Их ежемесячно читают примерно 420 тысяч человек. Здесь предлагаются любые рецепты: от средств против облысения до загробного блаженства. В особо срочных случаях парижане могут получить советы и рекомендации по «астрологическому телефону», абонемент которого стоит 12,5 доллара в год.

И здесь так же, как и в Англии, первый пособник шарлатанов — пресса. В некоторых французских газетах 15 процентов площади занимают гороскопы. Специальные брошюры рассказывают, в каких районах Франции и Парижа живут наиболее компетентные предсказатели будущего.

Недавний опрос жителей Франции дал совершенно удивительный результат: 58 процентов французов верят в свой «знак Зодиака», 53 процента ежедневно «консультируются с гороскопом» и 23 процента верят предсказаниям.

Парижский психолог профессор Кудерк свое исследование «ясновидящих» и их клиентов заключил так: «Клиенты этих шарлатанов не только наивны... Они на грани душевной болезни».

Чем запомнится потомкам прошлый, 1964 год? Открытием нового элемента, космическими полетами? Ничего подобного.

Журнал «Уикэнд» считает, что прошлый, 1964 год останется в истории как год, когда в моду вошли купальники «топлесс» и привидения. Номера, где привидения являлись постояльцам, повышаются в цене вдвое. В проспектах гостиниц появились сообщения: «Вот уже 50 лет у нас на чердаке живет призрак — высокий старик в красном капюшоне. Обычно он является людям с возвышенной и благородной душой». Ну кто же после этого признается что не видел привидения?

Привидения являются в госпиталях врачам, чтобы сообщить, что больной безнадежен, рассказывают детективам, где скрывается преступник, показывают беднякам, где зарыты клады. Короче говоря, в наш просвещенный XX век они делают кучу «полезной» работы, которая еще не под силу простым людям.

Бизнес можно делать с одинаковым успехом и на зубной пасте и на привидениях. Для этого даже не надо спрашивать совета у звезд.

Д. ПРОШУНИНА

ПЕССИМИСТ

ЮМОРЕСКА

Эльвира решила предаться тоске. Она была молода, а жизнь светла и прекрасна. Серьезных поводов для тоски не было. И все же Эльвира мечтала об одиночестве, мрачных аллеях и смотрела на себя в зеркало глазами, полными печали. В зеркале она видела свое круглое лицо и ужасно курносый нос. Внешность для страдающей души не очень-то подходящая.

Потом в ее жизнь вошел «он». Клаус-Отто писал стихи и вскоре стал ее кумиром. Стихи были наполнены божественным пессимизмом. Когда Эльвира прочла их в первый раз, сердце сжалось и сладкая волна безнадежности захлестнула ее. С этой минуты она стала боготворить Клауса-Отто.

Однажды Клаус-Отто пригласил ее на чай. Они были совсем одни в квартире. Он читал стихи. Из радиоприемника лилась чудесная музыка. Эльвира плакала. О, какой это был вечер!

— Как это должно быть прекрасно — умереть с тобой, — прошептала Эльвира.

— Совершенно верно, — ответил он, — когда мы состаримся.

— Состаримся! — презрительно повторила она. — Старики умирают, и в этом нет ничего удивительного. Ты только представь: твои родители приходят домой и находят нас мертвыми! Рука в руке, с улыбкой на губах, как два спящих ребенка. Разве это не прекрасно?

— Грандиозно! — заверил ее Клаус-Отто. — Меня не устраивает только то, что мы сами всего этого не увидим.

— Все будут рыдать, — продолжала Эльвира, — и все поймут, как мало они нас знали. А в газетах напишут... «сломанные жизнью»...

— Верно, это было бы совсем недурно. — Клаус-Отто поднял стакан и кивнул ей: — За бренность жизни, Эльвира!

— За смерть! — торжественно произнесла она. — Ты знаешь, я всыпала яд.

Стакан выпал из его рук. Крюшон багровым пятном разлился по скатерти.

— Яд?! — повторил он. — Это правда, Эльвира?

— Да, Клаус-Отто. Иди, мы выпьем из одного стакана.

— Ты сошла с ума!

Он вырвал у нее стакан и выплеснул крюшон в окно.

— Как это подло! Убить меня просто так, даже не предупредив!

— Но, Клаус-Отто, — начала она, заикаясь, — я думала, что ты отрицаешь жизнь. Твои стихи говорили о сладости смерти и...

— И принесли мне двести марок гонорара, — закончил он с триумфом в голосе. — Ты думаешь, я на эти деньги собираюсь купить себе гроб? Ошибаешься!

— О! Ты, ты! — закричала она. — И это называется идеальным пессимизмом! И я еще хотела умереть с тобой!

Эльвира, всхлипывая, выбежала из комнаты.

Улица была пустой и мрачной. Лишь одинокий фонарь отражался в реке. Эльвира глубоко склонилась над перилами, ее лицо пылало.

— Вода... манящая и прохладная...

Ее взгляд скользнул по ряду домов, стоящих напротив, и остановился на освещенном окне кафе-мороженого. Она закрыла глаза.

— Манящее и прохладное... Кто мне может запретить?

Как лунатик, взошла она на мостик, перекинутый через темную полосу воды, и шагнула к освещенному окну...

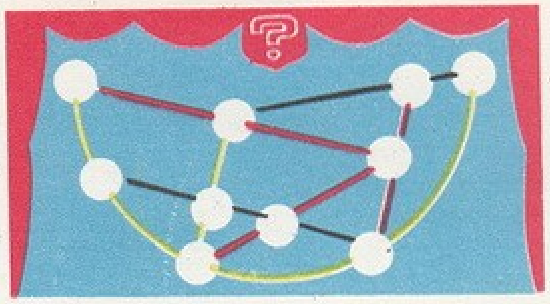
Она съела две порции мороженого, третью унесла домой.

ЕВА ЗАЛЬЦЕР

Король приказал, чтобы днем и ночью с каждой стороны его кабинета дежурило по 9 солдат. Он обходил комнаты и пересчитывал постовых. Но солдаты решили перехитрить трусливого короля. Один раз с поста ушли двое, следующий раз — четверо, а однажды — сразу шесть часовых. И каждый раз солдаты так располагались в покоях, окружавших кабинет короля, что он не мог догадаться об отсутствующих охранниках. Попробуйте и вы разгадать солдатскую хитрость.

Поставьте в кружки числа от 4 до 13 так, чтобы по дуге и по всем прямым в сумме было 30.

Ответы на задачи из № 8

1. Кость слева размечена неправильно, так как сумма противоположных сторон не равняется 7.
2. Самая «наваристая» по сумме цифр (34) рыбка № 6.

ВИЛЛИ МЁЗЕ — МАСТЕРА ВЕСЕЛОГО ЦЕХА

Утверждение древнегреческого философа Гераклита о том, что все течет и изменяется, ни у кого не вызывало сомнения, кроме популярного в ГДР художника-карикатуриста Вилли Мёзе.

— На Западе — без перемен, — заявил он во всеуслышание и в доказательство предъявил целую серию карикатур, часть которых мы перепечатываем из журнала «НБИ».

Без слов...

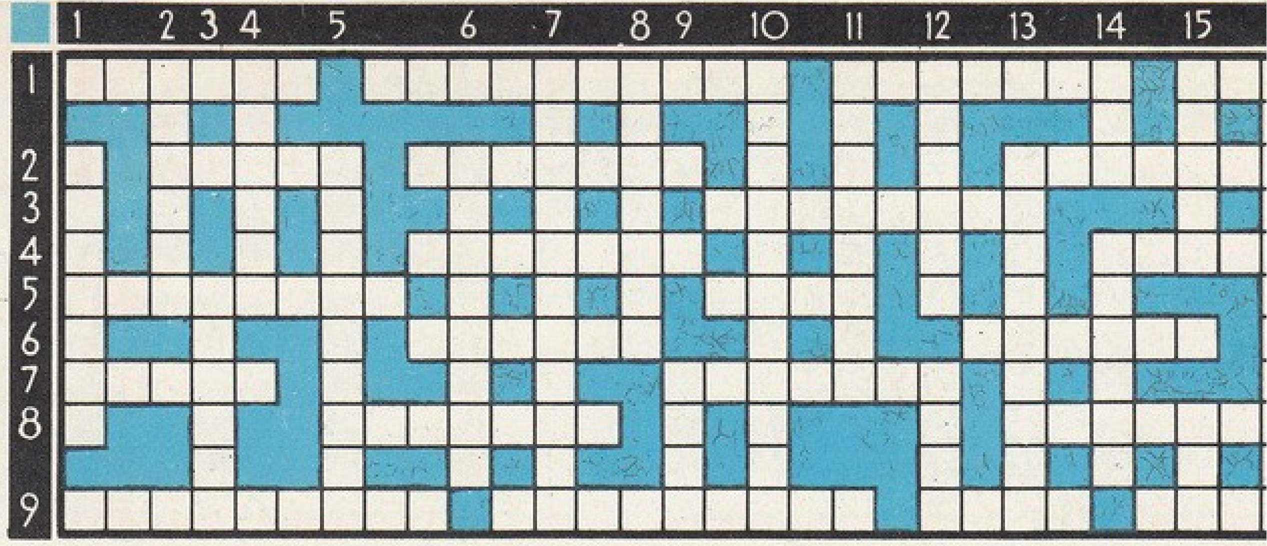

— Мы уже дошли до шестьдесят восьмой страницы, и пока все идет как по писаному. Посмотрим, что будет дальше...

Этот танец уже полюбился молодежи многих стран. Среднего темпа фокстрот вполне подходит для его исполнения. Может быть, он понравится и вам.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Механизм. Поступающий в вуз. Публичный доклад. Вечер с танцами. 2. Небольшой грузовой автомобиль. Ученая степень в США, Англии. Полугодие в вузах и техникумах. 3. Высшее учебное заведение. 4. Место для лектора. Французский художник. 5. Показатель степени. Дискуссия. 6. Время экзаменов. Учебное занятие. 7. Глава факультета. Студент-медик, следящий за ходом болезни больного. 8. Практическое занятие. Громкоговоритель. 9. Зал для чтения лекций. Ученый. Работник молочной фермы. Пьеса Маяковского.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Высшее учебное заведение в США. 2. Строгальный станок. 3. Итальянская прогрессивная газета. 4. Сок цветка. 5. Ученое звание. 6. Высшее научное учреждение. 7. Международная студенческая спортивная олимпиада. 8. Наука о развитии общества. 9. Пища животных. 10. Полотно с написанными на нем призывами. 11. Административное руководство университета. 12. Привидение, призрак. Место стоянки судов в порту. 13. Денежное пособие, выплачиваемое студентам. 14. Отдельная книга собрания сочинений. Ученое звание. 15. Темно-коричневая краска. Мягкий белый известняк. 16. Зеркальце для осмотра горла.

Составил читатель
Р. Тер-Григорьян.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, напечатанный в № 8

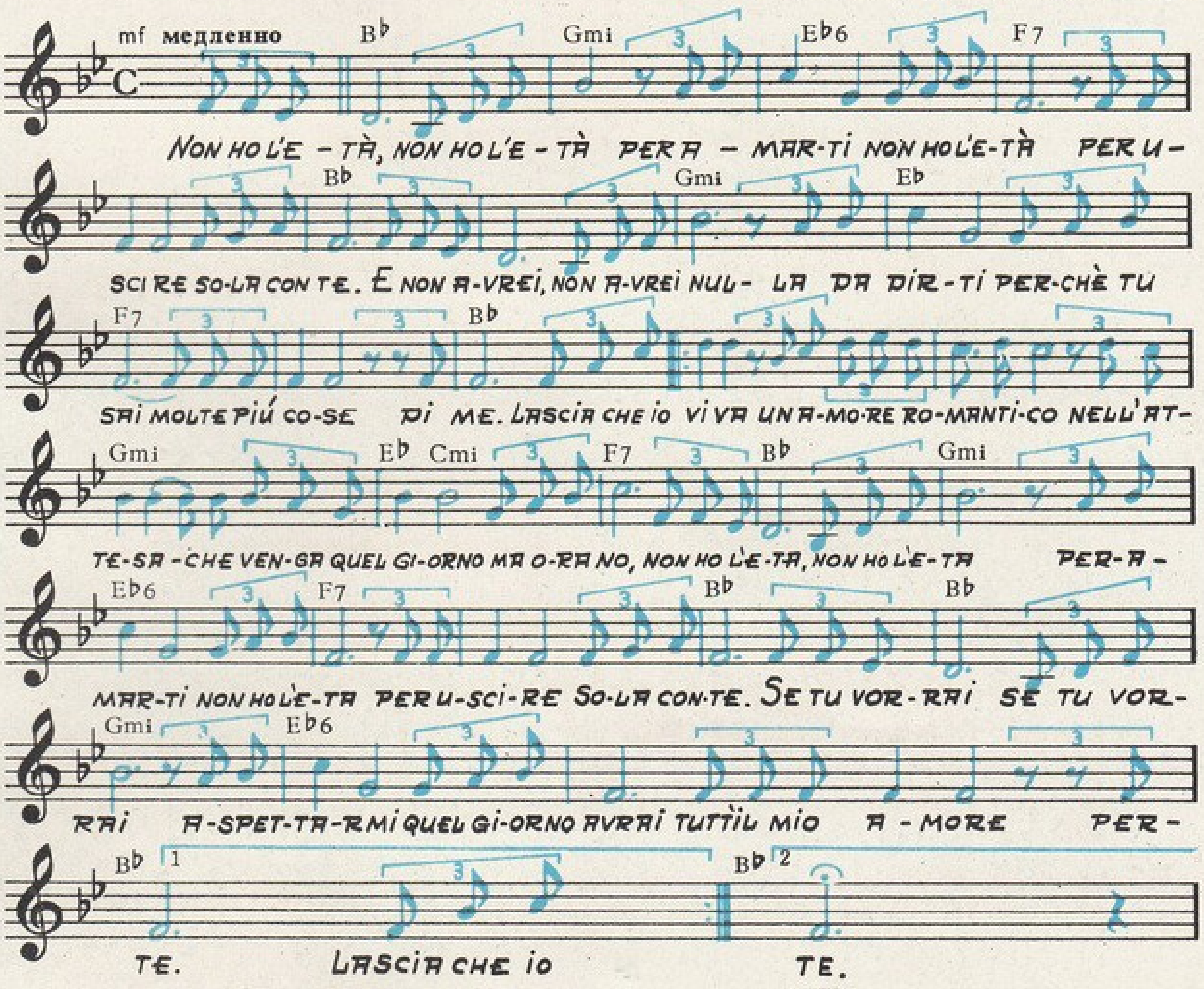
По радиусу: 1. Магистр. 2. Рутений. 3. Затопек. 4. «Исламей». 5. Аммоний. 6. Кларнет. 7. Пятница. 8. Фюзеляж. 9. Циновка. 10. Флюорит. 11. Анданте. 12. Оймякон. По окружности: 13. Сакура. 14. Ассамблея. 15. Як. 16. Кюри. 17. Иллинойс. 18. «Варяг». 19. Гиперон. 20. «Набоб». 21. Бронте. 22. Егоров. 23. Аист. 24. Трост. 25. Трир. 26. Рефери. 27. Инерция. 28. Янка.

МНЕ ЕЩЕ РАНО ЛЮБИТЬ

Песня «Мне еще рано любить» в исполнении пятнадцатилетней итальянской школьницы Джильолы Чинкуэтти в 1964 году получила первую премию на конкурсе эстрадных песен в Сан-Ремо.

Слова и музыка М. Падзери

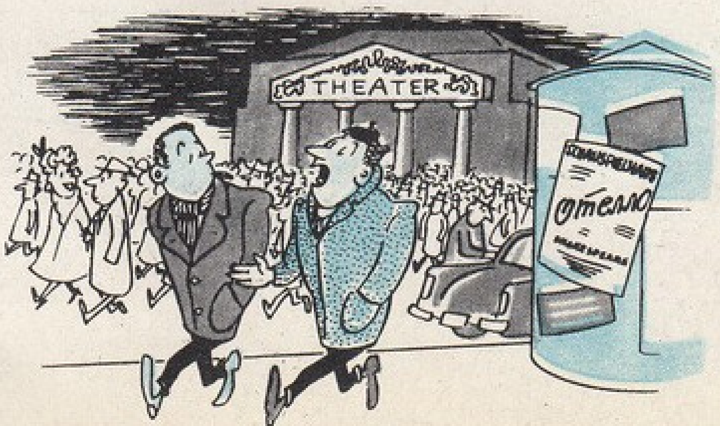
МАТ В ДВА ХОДА

Составил аргентинский шахматист А. ЭЛЛЕРМАН.

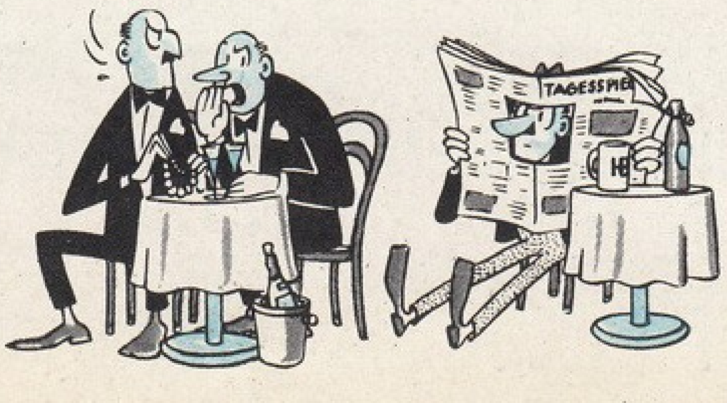
Задача В. Пахмана, напечатанная в № 8, решается ходом: Лс4 — d4!

МАСТЕРА ВЕСЕЛОГО ЦЕХА

— Непонятно, что находят в этом Шекспире?.. На всю пьесу только одно убийство!

— Я почти уверен, что за нами следят!

Главный редактор Г. А. КАШОЯН.

Редакционная коллегия: И. Д. БИРЮКОВ, О. А. ВИНОГРАДОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, Л. Н. МИТРОХИН, К. Е. НЕПОМНЯЩИЙ, П. Н. РЕШЕТОВ, А. В. ФЕДОТОВ (ответственный секретарь).

Худож. редактор Ю. И. Лычагин.
Техн. редактор И. Ф. Егорова.

Адрес редакции: Москва, К-104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон Б 1-96-55. Рукописи не возвращаются.

А10701. Подп. к печ. 20/VIII 1965 г. Бум. 60×90 1/8. Печ. л. 3(3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 220 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 1533. Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21.

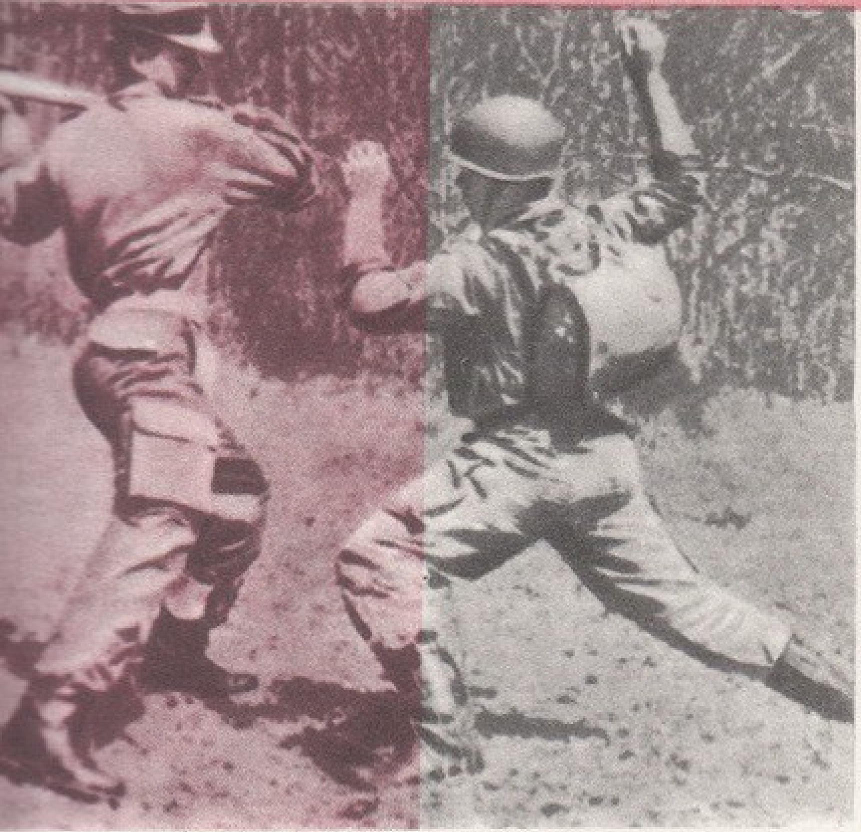

Дорогие друзья!

Через несколько дней вам предстоит решить, будете ли вы по-прежнему в числе «болельщиков» «Ровесника». До сих пор тираж журнала неуклонно рос: 35 тысяч в 1962 году, 70 тысяч в 1963-м, 120 тысяч в 1964-м и 220 тысяч в нынешнем. «Ровеснику» хочется, чтобы эта добрая традиция сохранилась и впредь. Если и вы разделяете это желание, то не забудьте оформить подписку на 1966 год и посоветуйте своим друзьям взять с вас пример.

Надеемся на новые встречи и в этом и в будущем году.

Ваша редакция журнала «Ровесник»

СКРЫТАЯ ВОЙНА

Журнал „Фрейе вельт" (ГДР)

Близ западногерманского города Хаммельбурга, в местечке Зоденберг находится школа, готовящая шпионов и диверсантов для засылки на территорию ГДР. Руководит занятиями в этой школе некий майор Буссмер. Он учит своих питомцев владеть кинжалом и пистолетом, а в случае необходимости пускать в ход яд. Командование бундесвера довольно четко определило назначение шпионско-диверсионных групп: незаметно проникать в ГДР, устанавливать связи, вести подрывную работу, терроризировать население, готовить почву для атомного вторжения. Все это именуется «скрытой войной». Недаром на двери школы шпионов изображена лисья морда с подписью «хищники».

Журнал „Манколс" (С

Фашистский генерал допрашивает «несчастную
данные о новом танке». Далее Памела соверш
ний и каждый раз в новом наряде. Бедную
распилить пополам бешено вращающейся элект
тается похитить огромная горилла. Под каждой ф
лета с указанием цены. К сожалению, в конце
тили самой Памеле за все эти кривляния.

…О СЛЕДАМ …АРКО-ПОЛО

Журнал „Констелляссьон" (Франция)

Морис Германн, буфетчик авиакомпании «Эр Франс», летает на линии Париж — Токио. В воздухе он любит предаваться мечтам. Чаще всего он мечтал о морских путешествиях. И вот мечта его осуществилась. Вместе с девятью другими энтузиастами Германн приобрел в Гонконге старую джонку под названием «Чанг-Фен», что по-китайски означает «сильный ветер». За два месяца парусник отремонтировали, а через 14 недель он уже пришвартовался в Каннском порту. Экипаж «Чанг-Фен» повторил путь, пройденный почти 700 лет тому назад венецианцем Марко Поло. Маршрут джонки проходил из Гонконга через Сингапур, Коломбо, Суэц. Как ни странно, но во время всего пути через океан стояла тихая погода. Зато последние 200 миль дались нелегко. Средиземное море встретило смельчаков сильными шквалами.

ПО СТРАНИЦАМ

ЗАРУБЕЖНЫХ

ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ

ПО СТРАНИЦАМ

ЗАРУБЕЖНЫХ

ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ ПО СТРАНИЦА…

В ОБЪЯТИ… АНАКОНД…

Журнал „Нэйшнл джиографик"

Американский фото
тер Курт Северин, б
с кинооператором и п
ником по джунглям
Америки, неожиданно
на анаконду. Соблазн
заполучить серию душ
тельных кадров навел
на дерзкую мысль — в
в единоборство с анак
Он бросился вперед,
змею одной рукой за
другой крепко сжал ей
Шершавое и холодное
окружило его упругими
цами и сдавливало все

Журнал „Нейес лебен" (ГДР)

Через двадцать лет после …згрома фашистской Германи… в ФРГ снова поднимают …ловы нацистские сорняки. …ни находят поддержку … правящих кругах Федера…вной республики. Возрож…ется и фашистская идеология. Так, правительство Баварии официально закрепило за собой на 30 лет право издавать гитлеровскую пачкотню. На прилавках магазинов уже появилась шикарно оформленная книга Гитлера «Майн кампф». Ее печатали в Мексике по специальному заказу из ФРГ. Циничная исповедь маньяка во имя «мирового господства арийской нации», поставившего на карту судьбы целого народа и приведшего страну к ужасной катастрофе, снова нашла адептов, на этот раз среди западногерманских реваншистов.

„МСТИТЕЛЬ" ИЗ ГАННОВЕРА

Журнал „Квик" (ФРГ)

Полиция Ганновера долго ломала голову, не зная, что предпринять. Несколько месяцев подряд в ее адрес сыпались жалобы и доносы от 29-летнего инженера Сигурда Вернера. Сей «мститель за пешеходов» решил объявить беспощадную войну автомобилистам, которые оставляли свои машины в недоз…

КОНЕЦ ЭРЫ КОЛЕСА?

Журнал „Пари-матч" (Франция)

Нет, начало эры «воздушной подушки»! На ней будет передвигаться монорельсовый аэропоезд, проект которого предлагает французский инженер Жан Бертэн. Скорость поезда до 400 километров в час. К концу 1965 года будет построен первый опытный образец. Предполагается, что шум от такого вида транспорта будет в 10 раз меньше, чем от поезда метро. Поезд не может «сойти с рельсов», поэтому крушение полностью исключается.